

Конференция 2019 (тезисы)

Акопян А.В. ИВ РАН

Долгая жизнь хузестанских монет с центральной надписью

‘Али вали Аллах

Провозглашение исна‘ашаритского толка ши‘изма государственной религией при Исма‘иле Сефевии немедленно отразилось на иранских монетах, характерным признаком которых стало обязательное добавление фразы *‘Али вали Аллах* (‘Али — друг Аллаха) в конце шахады на л.ст. В правление ‘Аббаса I на некоторых монетах эта фраза переместилась из окончания шахады в центральный круг, вокруг которого теперь писалось ее начало. Перемена закрепилась на серебряных стодинаровых монетах (т.н. *мухаммади*), чеканившихся в XVI — XVIII вв., в основном, в Хувейзе, столице Хузестана (вассального веляята, управляемого исма‘илитской династией). Письменные источники свидетельствуют о высоком доверии к хузестанским мухаммади — например, Э. Кемпфер сообщает, что при проверке казны Сулейманом I только они оказались хорошего качества, остальные же монеты были забракованы.

Нумизматические данные указывают на широкую географию использования мухаммади, обращение их самых ранних выпусков вплоть до конца XVIII в. и, возможно, их чеканку за пределами Хузестана. Однако не находит подтверждений плохое качество других монет XVII в., что заставляет искать объяснение популярности хузестанских мухаммади во внеэкономических причинах.

Известно, что «умеренный» исна‘ашаризм был не единственной формой ши‘изма, распространенной в Иране. Еще в конце XIX в. число «крайних» ши‘итов (ахл-и хакк, исма‘илиты пр.) даже с учетом *такийя*, оценивалось не менее, чем в 2/5 населения Ирана. Группы сектантов населяли западные регионы Ирана, а различия в их верованиях были слабо дифференцированы. Любопытно, что В.А. Гордлевским среди макинских ахл-и хакк была записана легенда о путешествии Шах Мехмеда (одно из воплощений ‘Али, т.е. божества) в Хувейзу, где «чеканились монеты с его именем: на одной стороне выбито слово Хавизе, на другой — исповедание мусульманской веры».

По всей видимости, именно перенос акцента в шахаде на ‘Али, закрепившийся в населенном сектантами Хузестане, подвергся позднее двойкой интерпретации в иранской среде. Во-первых, среди самих сектантов текст хузестанских монет был проинтерпретирован как чекан божества, Шах Мехмеда, что по-видимому стало причиной их называния *мухаммади* (или *махмуди*). Во-вторых, в официальной среде была создана легенда об исключительном качестве этих монет, в чем надо видеть попытку рационального объяснения особого расположения населения к ним на протяжении нескольких веков.

Ключевые слова: Иран, нумизматика, Сефевиды, Хувейза, шиитские секты.

A. V. Akopyan (Institute of Oriental Studies, RAS)

Long Life of Khuzestān Coins with Central Legend *‘Alī walī Allāh*

The proclamation of the Ithnā‘ashariyya Shī‘ī Islam as the state religion under Isma‘īl Ṣafavī instantly reflected on Iranian coins, a characteristic feature of which

became the mandatory appendix of the phrase *‘Alī walī Allāh* (‘Alī is the custodian of God) at the end of shahāda on the obverse. During the reign of Shah ‘Abbās I, on some coins this phrase moved from the end of the shahāda to the central circle, around which shahāda’s beginning was now written. This change anchored on the silver hundred-dinar coins (the so-called *muḥammadī*), minted in the 16th-18th centuries mainly in Hoveyza, the capital of Khuzestān (a vassal velayat ruled by the Isma‘īlī dynasty). Written sources indicate high confidence to this coins – e.g., Engelbert Kaempfer reports that when Sulaymān I checked his treasury, only Khuzestān *muḥammadīs* found to be of good quality, while the rest of coins were rejected.

Numismatic data indicate the wide geography of *muḥammadīs*’ use, the circulation of their earliest issues until the end of the 18th century, and perhaps their coinage outside of Khuzestān. However, the poor quality of other coins of the 17th century does not find any confirmation, which forced to seek an explanation of the popularity of the Khuzestān *muḥammadīs* in the non-economic reasons.

It is known that orthodox Ithnā‘ashariyya was not the only form of Shī‘ī Islam popular in Iran. At the end of the 19th century the number of *ghulāt* Shī‘ī (Ahl-e Ḥaqq, Isma‘īlī, etc.), even taking into account *taqiyya*, was estimated at no less than 2/5 of the Iranian population. Groups of *ghulāt* inhabited the western regions of Iran, and variations in their beliefs were poorly differentiated. It is interesting that V. A. Gordlevsky among the Ahl-e Ḥaqq of Maku recorded the legend about journey of Shah Mehmed (one of the incarnations of ‘Alī, i.e. the deity) to Hoveyza, where “coins in his name were minted: the word Havize was struck on the one side, and the Muslim creed on the another.”

Apparently, the transposition of emphasis in the shahāda to ‘Alī, which was fixed among the *ghulāt* neighbourhood Khuzestān, later fall under a two-way interpretation in the Iran. First, among the *ghulāt*s themselves, the text of the Khuzestān coins was interpreted as the coinage of a deity, Shah Mehmed, which apparently became the reason for their naming *muḥammadīs* (or *maḥmūdī*). Secondly, the authorities created a legend about the exceptional quality of these coins, which shall be interpreted as an attempt to rational explanation of the special sympathy towards them for several centuries from the population.

Key words: Iran, numismatics, Safavids, Shi‘a sects, Hoveyza.

Алонцев М.А. (НИУ ВШЭ)

**«В эту эпоху пророк был бы из их числа»: движение маламатиййа
в «Поминании друзей Божиих» Фарид ад-дин ‘Аттара**

Региональное аскетико-мистическое движение «(само-)порицания», *маламатиййа*, возникшее в Хорасане во второй половине IX в., первоначально представляло собой серьезную мировоззренческую и идеологическую альтернативу проникавшему в регион суфийскому учению. Однако впоследствии суфизм вышел на лидирующие позиции во всем мусульманском мире, а локальные движения (в т.ч. и *маламатиййа*) либо бесследно исчезли, либо инкорпорировались в систему суфийских мировоззренческих установок. Первое комплексное описание представителей и идеологии этого движения относится к эпохе систематизации «суфийской науки» — в сочинениях Абу ‘Абд ар-Рахмана Сула-

ми (ум. 1021) «(само-)порицающие» представлены как носители суфийского благочестия, «(само-)порицание» изображается как одна из традиционных суфийских доблестей. В дальнейшем именно эта традиция описания *маламатиййа* была воспринята и развита суфийскими авторами, однако при более пристальном рассмотрении в текстах можно выделить как стратегии «адаптации» представителей *маламатиййа* к суфийской среде, так и следы противоречий, существовавших между конкурировавшими в недалеком прошлом мистическими учениями. В агиографическом своде «Поминания друзей Божиих» можно выделить сразу несколько вышеописанных деталей:

- Приверженность идеям *маламатиййа* приписывается не только представителям движения, но и тем, кто по тем или иным причинам (хронологическим или географическим) не мог быть их адептом;
- Примирительная стратегия: в уста представителей суфизма вкладываются слова одобрения в адрес движения *маламатиййа* и его представителей;
- Следы конфликта: вольно или невольно приводятся истории, указывающие на разногласия между суфиями и *маламатами*.

Ключевые слова: суфизм, *маламатиййа*, Фарид ад-дин ‘Аттар, «Поминания друзей Божиих», Хорасан

Alontsev M. A. (National Research University Higher School of Economics)

“In this era the prophet would be one of them”:

***Malamatiyya* movement in Farid ad-din ‘Attar’s “Memorial of God's Friends”**

The regional ascetic-mystical movement of “(self-)blame”, the Malamatiyya, that arose in Khorasan in the second half of the 9th century, initially offered a serious ideological alternative to the Sufi teaching that penetrated the region. However, later Sufism took a leading position in the entire Muslim world, and local movements (including Malamatiyya) either disappeared without a trace or were incorporated into the Sufi worldview. The first comprehensive description of this movement dates back to the era of systematization of “Sufi science” – in the writings of Abu ‘Abd al-Rahman Sulami (d. 1021) “(self-)blamers” are represented as carriers of Sufi piety, and “(self-)blame” is portrayed as one of the traditional Sufi virtues. Afterward, Sufi authors adopted this tradition of describing Malamatiyya and developed it. However, a closer examination of the texts reveals strategies for the “adaptation” of Malamatiyya to the Sufi environment, as well as traces of the contradictions that had existed between the competing mystical teachings in the recent past. In the hagiography “Memorial of God's Friends”, several of the aforementioned details can be distinguished at once:

- Adherence to the ideas of Malamatiyya is attributed not only to representatives of the movement but also to those who could not belong to it for one reason or another (chronological or geographical);
- Reconciliation strategy: words of Malamatiyya’s approval are put into the mouth of the Sufis;
- Traces of the conflict: stories voluntarily or involuntarily citing disagreements between Sufis and Malamatis.

Key words: Sufism, Malamatiyya, Farid ad-din ‘Attar, “Memorial of God's Friends”, Khorasan.

Бабкова М.В. (ИВ РАН)

Исторические лица в 19-м свитке «Собрания стародавних повестей»

«Собрание стародавних повестей» («Кондзяку моногатари сю:», далее «Кондзяку») – памятник XII в., самое крупное собрание буддийских коротких поучительных рассказов, сэцува. Текст поделен на три части по территориальному признаку (Индия, Китай и «Наша страна» – Япония) и включает 31 свиток по заголовкам и 28 на самом деле, поскольку три свитка то ли не дошли до нас, то ли никогда не были написаны. Рассказы могут быть «буддийскими» или «мирскими», в зависимости от того, кто их герои – монахи или светские люди; участвуют ли в происходящих событиях будды или бодхисаттвы; и что написано в заключительном пассаже, где рассказчик подводит итог всей истории. 19-й свиток, предпоследний в японской буддийской части «Кондзяку», включает 44 рассказа, из которых первые 16 (по списку их 18, но рассказов 15 и 16 нет) повествуют о том, как главный герой уходит в монахи (сюккэ); а остальные – о разных происшествиях. Многие персонажи 19-го свитка – исторические личности. Речь здесь идет и о государях и государынях, и о знатных воинах, и о знаменитых подвижниках и наставниках в учении Будды. Особняком стоят значимые фигуры в истории японского буддизма (им также посвящен целиком 11-й свиток). Их рождение и жизни связаны со множеством чудес, а о них самих говорится, что помыслы их глубоки, милосердие велико. Выдающиеся наставники в «Кондзяку» неумолимы в буддийском подвижничестве и противопоставлены мирянам по тому, как они относятся к живым существам. Часто они ведут себя эксцентрично, показывают условность норм, принятых в обществе (Дзякусин, Дзога). В докладе дается ответ на вопросы о том, какие исторические лица упоминаются в рассказах 19-го свитка, из каких источников берутся сведения о них, существует ли какая-то общая схема отдельного рассказа и каким образом вся эта картина соотносится с более поздним изложением истории японского буддизма «Буддийские записи годов Гэнко» («Гэнко: сякусэ»).

Ключевые слова: «Собрание стародавних повестей», «Кондзяку моногатари-сю», история японского буддизма, 19-й свиток «Кондзяку», буддийские рассказы сэцува.

Babkova M.V. (Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)

Historical Figures in Volume 19 of *Konjaku monogatari shū*

“Konjaku Monogatari-shū” (12th c.) is the biggest collection of Japanese Buddhist short didactic tales – setsuwa. The text is divided into three parts depending on the country (India, China and “our country” – Japan) and consists of 31 volumes; 28 of them really exist and three volumes are omitted: they could be lost or never written. The tales are qualified as “secular” or “Buddhist” according to the person who acts as the principal character in the story (monk or layman) or to the role of Buddhas and bodhisattvas, or to the key points of the compiler’s conclusion. Volume 19 which is the last but one in the Japanese Buddhist part of “Konjaku” includes 44 tales. The first 16 of them (there are titular 18, but tales 15 and 16 are omitted) speak about the protagonist’s leaving secular world and taking monastic precepts, and all the others describe something that happened to monks or in some temple. Many of the characters in the volume 19 are historic figures. We can find here

emperors and empresses, noble warriors, famous religious leaders and Buddhist teachers. There are also characters who played an important role in the history of Japanese Buddhism (the whole volume 11 is consecrated to them). Their birth and lives are full of wonders and they are told to have deep thoughts and great compassion. The eminent Buddhist teachers in “Konjaku” are arduous in their efforts on Buddha way and they are opposed to the laymen in their attitude to living beings. Sometimes they make eccentric acts, showing by their behavior the limited and conventional nature of social norms (Jakushin, Zōga). The paper will show which historical persons are mentioned in the tales of the volume 19, from which sources the compiler could probably take facts about them, if there is some common scheme for the tales and how all this is correlated with “Genkō Shakusho” of 14th ct.

Key words: “Konjaku Monogatari-shū”, history of Japanese Buddhism, volume 19 of “Konjaku”, setsuwa tales.

Берзон Е.М. (РГГУ)

Деятельность и полномочия соправителя царя в селевкидской Вавилонии: пример Антиоха I

Институт соправительства в царстве Селевкидов играл весьма важную роль в самых разнообразных сферах жизни этого государства. Прежде всего, он служил инструментом легитимной передачи власти от царя его наследнику. Второй важной функцией его была административная. Наследник престола, будучи правителем вверенной ему части царства, в сущности, выполнял функции верховного администратора этих территорий. Однако именно эта сторона соправительства освещена существенно слабее по сравнению с первой, династической. Главная трудность заключается в отсутствии каких-либо свидетельств об административной деятельности селевкидских соправителей в античной нарративной традиции. Единственным источником являются лишь клинописные таблички из Вавилонии, относящиеся преимущественно ко времени самого первого в истории государства соправительства Селевка I и его сына Антиоха I (294–281 гг. до н.э.).

Основным источником служит ряд вавилонских хроник (ВСНР 58), в которых сообщается о деятельности *mār šarri* («сына царя») в городе Вавилоне и его окрестностях. Особая ценность этих текстов заключается в том, что престолонаследники (в том числе и Антиох I), как правило, получали назначение в качестве правителей восточных сатрапий царства и имели своей главной резиденцией Селевкию-на-Тигре – столицу Верхних сатрапий державы Селевкидов. Таким образом, основное направление их деятельности должно было приходиться как раз на Вавилонию. Так мы узнаем о роли наследного царевича во многих аспектах социально-экономической жизни региона, регулировании земельных вопросов, активном участии в строительстве и восстановлении культовых сооружений (например, храмовых комплексов Эсагилы и Эзиды), участии в религиозных ритуалах, контактах с локальными элитами и др. Разумеется, необходимо учитывать, что имеющиеся источники в основном характеризуют ситуацию на протяжении сравнительно небольшого отрезка времени (около 20 лет), поэтому мы не можем применять эти данные абсолютно ко всем селевкидским соправительствам. И все же, надо полагать, в общих чертах полученные результаты могут прояснить природу власти и сущность администра-

тивных функций «младшего царя» в целом. Таким образом, институт соправительства должен рассматриваться в том числе и как элемент сложной системы управления провинциями в державе Селевкидов.

Ключевые слова: эллинизм, Селевкиды, эллинистическая Вавилония, институт соправительства, Антиох I.

Berzon E.M. (Russian State University for Humanities)

**Activities and Authority of the Joint-King in Seleukid Babylonia:
the Case of Antiochos I**

The institution of co-rulership in the Seleukid kingdom played a very important role in the most diverse spheres of the state's life. First, it is regarded as an instrument of the legitimate transfer of power from the king to his heir. The second important function was administrative. The heir to the throne, being the ruler of the large part of the kingdom, essentially performed the functions of the supreme administrator of these territories. However, this side of the co-rulership is covered much less – in comparison with the dynastic one. The main difficulty lies in the absence of any evidence of the administrative activities of the Seleucid co-rulers in the classical narrative tradition. The only source is cuneiform tablets from Babylonia, dating mainly to the time of the first joint-kingship in the history of the state which is of Seleukos I and his son Antiochos I (294–281 BC).

The main source are a few Babylonian chronicles (BCHP 58) which report on the activities of *mār šarri* (the “son of the king”) in the city of Babylon and its environs. The special value of these texts lies in the fact that the heirs to the throne (including Antiochos I) often were appointed as the rulers of the eastern satrapies of the kingdom. Seleukia-on-the-Tigris, the capital of the Upper Satrapies of the Seleukid Empire, was their main residence. Thus, the main direction of their activity was to fall precisely on Babylonia. So, we learn about the role of the crown prince in many aspects of the region's socio-economic life, regulation of land issues, active participation in the building and restoration of religious objects (for example, temple complexes of Esagila and Ezida), participation in religious rituals, contacts with local elites, etc. It is necessary to take into account that the available sources characterize mainly the situation over a relatively short period of time (about 20 years). Therefore, we cannot apply these results to absolutely all Seleukid co-rulerships. Nevertheless, it must be assumed that, in general terms, the results can clarify the nature of power and the essence of the administrative functions of the “younger king” as a whole. Thus, the institution of co-rulership should be considered, among other things, as an element of a complex system of provincial governance in the Seleukid state.

Key words: Hellenism, the Seleukids, Hellenistic Babylonia, co-rulership, Antiochos I.

Выжлаков М.В. (Ун-т Палацкого в Оломоуце, Чехия)

Знание и понимание в тохарском А: глаголы *knā-* и *kärs-* и их производные

В докладе обосновывается уточнение перевода тохарских А глаголов *knā-* и *kärs-*, которые в научной литературе обычно передаются синонимично – «знать, понимать» (ср., в частности, словарные статьи в [Poucha 1955; Carling 2009; Mal-

zahn 2010] и др.), в некоторых случаях – как «признавать, считать (что-то чем-то)».

При этом глагол *knā-* является относительно редким (всего в рукописях на тохарском А нами найдено 24 примера), в то время как *kärs-* встречается более 130 раз. Дериваты показывают обратную ситуацию: в значительной степени лексикализированное причастие *knānmām* и производное от него существительное *knānmune* засвидетельствованы 42 и 53 раза соответственно, тогда как отглагольное существительное *kärsālune* – лишь четырежды.

На основе анализа тохарских А текстов и их древнеуйгурских параллелей мы показываем, что *knā-* акцентируется на незавершенности, генерализованности действия, демонстрируя заметную тенденцию к неопределенности, в отличие от *kärs-*. В целом, семантика *knā-* строится вокруг факта или состояния владения информацией (собственно «знать», в т.ч., вероятно, и «знать кого-то, быть знакомым»), тогда как *kärs-* – на процессе или степени ее усвоения («понимать, узнавать, осознавать»). Употребление *kärs-* в конструкциях типа «понимать А как В» позволяет с уверенностью предложить для него также значение «признавать, считать».

Кроме того, приводится обзор значений производных прилагательных и существительных.

Ключевые слова: тохарские языки, тохарский А, синонимы, глаголы со значением «знать», глаголы со значением «понимать».

Vyzhlakov M. (Palacký University, Olomouc, Czech Republic)

**Knowing and understanding in Tocharian A:
the verbs *knā-* и *kärs-* and their derivatives**

In this paper I make an attempt to clarify the translation of the Tocharian A verbs *knā-* и *kärs-* which are usually rendered synonymously in the scientific literature as “to know, understand” (cf. the entries in [Poucha 1955, Carling 2009; Malzahn 2010] and others) or, in some cases, as “to recognize, consider”.

The verb *knā-* is relatively rare (I have found 24 examples in the Tocharian A manuscripts), while *kärs-* occurs more than 130 times. The derivatives show an opposite picture: the highly lexicalized participle *knānmām* and the noun *knānmune*, derived from it, occur 42 and 53 times respectively, while the verbal noun *kärsālune* – only four times.

Analyzing Tocharian A texts and their Old Uyghur parallels, I show that *knā-* focuses on incompleteness, generalization of action, demonstrating a noticeable tendency toward the atelicity, unlike *kärs-*. Generally, the semantics of *knā-* is based around the fact or state of owning the information (literally “to know”, also, probably, “to know someone, be familiar with”), while *kärs-* focuses on the process or degree of its comprehending (“to understand, cognize, realize”). Also, the use of *kärs-* in the constructions like “to understand A as B” allows to offer for it the meaning “to recognize, consider (A as B)”.

Besides this, I provide an overview of the meanings of the derived adjectives and nouns.

Key words: Tocharian languages, Tocharian A, synonyms, verbs meaning “know”, verbs meaning “understand”.

Гордиенко Е.В. (РГГУ)

Основные источники вьетнамских повествований о духах — хранителях деревенских общин (*тхантыть*) на примере повествования о воительнице Нгок Тьи

Повествования о вьетнамских духах — покровителях деревенских общин (*тхантыть*, *thần tích* 神蹟) – это житийные сочинения, содержащие предания о духах, традиционно почитаемых в качестве покровителей местности в общинах Вьетнама. Одним из таких сочинений является повествование о воительнице Нгок Тьи (Ngọc Chi 玉枝), жившей в I в. н.э. и до настоящего времени почитаемой в своей родной деревне Нянву в провинции Хынгиен. Подробность изложения в тексте событий многовековой давности заставляет нас обратиться к определению основных источников этого сочинения.

Историческое зерно предания о воительнице Нгок Тьи и ее сыновьях, а также житийные подробности повествования, в том числе предание об отшельничестве персонажей (в культовом буддийском месте, но в добуддийские времена), вероятно, в течение долгого времени, имея фольклорную форму, передавались из уст в уста. Сведения об участии Нгок Тьи и ее сыновей в антикитайских военных кампаниях 40–42 гг. во главе с сестрами Чынг (вдовами казненных представителей местной знати), вероятно, хранились в письменном виде в общине усилиями конфуциански образованной деревенской элиты. Самые крупные исторические реалии и канва повествования, безусловно, являются результатом редакторской работы придворных историографов (предположительно в XVI в.). В частности, это упоминание китайского наместника Су Дина и полководца Ма Юаня как проводников политики империи Восточной Хань (25–220 гг.) на завоеванных землях в дельте Красной реки (современный северный Вьетнам).

Повествование о Нгок Тьи исследуется в российской науке впервые. Анализ этого сочинения и других произведений жанра *тхантыть* позволяет расширить круг источников для вьетнамоведческих исследований (исторических, филологических, культурологических).

Ключевые слова: Вьетнам, духи — покровители общин, повествования о духах, тхантыть, восстание сестер Чынг, империя Восточная Хань, генерал Ма Юань.

Gordienko E.V. (Russian State University for the Humanities)

The main sources of Vietnamese stories about the tutelary deities of villages (*thần tích*): Case study of a Warriress Ngọc Chi

Vietnamese stories about the tutelary deities of villages (*thần tích* 神蹟) are life stories comprised of the legends of spirits traditionally worshipped in rural communes of Vietnam as patrons of a particular locality. One of these texts is the story of the warriress Ngọc Chi (玉枝), who lived in the 1st century AD and is still worshipped in her birthplace of Nhân Vũ village in the Vietnamese province of Hưng

Yên. The detailed narration of the ancient events in the story offers insight into the potential primary sources of this work.

The historical core of the legend of the warriorress Ngọc Chi and her sons, as well as the hagiographic details, including the story of their hermitage (in a Buddhist place but in the pre-Buddhist period), were likely folkloric in origin and passed down orally over the course of centuries.

Information on the participation of Ngọc Chi and her sons in the Trưng Sisters-led anti-Chinese military campaigns of AD 40–42 seems to have been recorded in writing by the Confucian-educated village elite.

The largest historical realities and the narrative outline are definitely the work of court historiographers (probably in the 16th century). In particular, there is a mention of Chinese administrator Su Ding (蘇定) and general Ma Yuan (馬援) as conductors of the Eastern Han policy (25–220 AD) on the conquered lands in the Red River Delta (modern northern Vietnam).

The story of Ngọc Chi is investigated for the first time in Russian academic research. An analysis of this text and other works of thần tích genre enables to enlarge a range of sources for Vietnamese studies (such as historical, philological, and cultural studies of Vietnam).

Key words: Vietnam, tutelary deities, rural guardian spirits, stories of spirits, thần tích, Trưng sisters' rebellion, the Eastern Han, General Ma Yuan.

Дробышев Ю.И. (ИВ РАН)

**«Да всем Бог!»: по поводу монгольского ультиматума
русским князьям в 1223 г.**

В Новгородской первой летописи содержится одно из самых ранних сообщений о первом столкновении русских с монголами в 1223 г. Как известно, русские князья вняли просьбе половцев о совместном отпоре незванным гостям. Монголы дважды присылали на Русь парламентеров. Первое посольство было вырезано, второе доставило следующий ультиматум: «А есте послушали Половчъ, а послы наша есте избили, а идете противу нас, ть вы поидите; а мы васъ не заяли, да всѣмъ богъ» (НПЛ, лл. 97–98). Заключительные слова с упоминанием Бога породили широкий разброс мнений среди историков-русистов: от представления об их фальсифицировании русским книжником до приписывания их якобы находившемуся среди монголов мусульманину, но чаще они цитируются без комментариев.

По нашему мнению, в данном случае мы имеем дело с типичной концовкой монгольских ультиматумов XIII в., согласно Великой Ясе – имперскому своду законов, авторство которого обычно относят на счет самого Чингис-хана. В сохранившемся фрагменте Ясы, в изложении знаменитого средневекового сирийского историка, врача и философа Абу-л-Фараджа (Бар-Эбрея), этот ультиматум звучит следующим образом: «Когда нужно писать бунтовщикам и отправлять посольство, пусть не угрожают им огромной величиной своей армии и своей многочисленностью, но пусть скажут только: если вы подчинитесь, то найдете хорошее обращение и покой, а если вы станете сопротивляться – что мы знаем? Бог извечный знает, что с вами случится» (The Chronography of Gregory Abu'l-Faraj, 1932, p. 354). Действительно, именно так выглядят дошедшие до

наших дней монгольские послания XIII в. различным государям. Словом «Бог» передается имя высшей духовной сущности монгольской картины мира — Вечного Синего Неба (Тэнгри), олицетворения истины и справедливости. Тем самым монголы, верившие в свою небоизбранность, предупреждали, что всякое сопротивление обречено на провал.

Интересно отметить, что ультиматум 1223 г. — самый ранний из сохранившихся в источниках, вопреки довольно слабой информативности русских летописей в отношении имперской идеологии монголов.

Ключевые слова: Новгородская первая хроника, монгольский ультиматум, Великая Яса.

Drobyshev Yu.I. (Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)

“God above all!”: On the Mongol ultimatum to the Russian princes in 1223

The First Novgorod chronicle contains one of the earliest reports of the first clash of the Russians with the Mongols in 1223. As it is known, the Russian princes heeded the request of the Polovtsy on the joint rebuff to intruders. The Mongols twice sent to Russia their parliamentarians. The first embassy was cut, the second delivered the following ultimatum: “If you listened to Polovici, and our ambassadors you killed and go against us, so you do like this; and we have not take you, God above all” (NFC, pp. 97–98). The concluding words with the mention of God gave rise to a wide range of opinions among Russian historians: from the idea of their falsification by a Russian scribe to attributing them to a Muslim allegedly among the Mongols, but more often they are quoted without comment.

In our opinion, in this case we are dealing with a typical ending of the Mongol ultimatums of the 13th century, according to the great Yasa — Imperial code of laws, the authorship of which is usually attributed to Genghis Khan himself. In the surviving fragment of the Yasa, in the presentation of the famous medieval Syrian historian, physician and philosopher Abu'l-Faraj (Bar-Ebrey), this ultimatum reads as follows: “When it is necessary to write to the rebels and send an embassy, let them not threaten the huge size of their army and their numbers, but let them say only: if you obey, you will find good treatment and peace, and if you resist – what do we know? God eternal knows what will happen to you” (The Chronography of Gregory Abu'l-Faraj, 1932, p. 354). Indeed, this is what the extant Mongolian messages to various sovereigns of the XIII century look like. The word “God” conveys the name of the highest spiritual essence of the Mongolian image of the world — the Eternal Blue Sky (Tengri), the personification of truth and justice. Thus, those Mongols who believed in their chosenness by the Sky, they warned that any resistance is doomed to failure.

Key words: Novgorod First chronicle, Mongol ultimatum, the Great Yasa.

Зайцев И.А. (ИСАА МГУ)

Исторический миф о победе над Хубилай ханом в отражении бирманских надписей XIV в. из районов Зэгайна и Пиньи

На протяжении XIV столетия в бирманских государевых надписях в контексте перечисления царских заслуг прослеживается эпизод о родстве того или

иноного правителя с государем Тихатурой, победителем «Великого хана Тэйэ», императора династии Юань, Хубилай хана.

Объяснить значение этого феномена достаточно просто. Победа над Хубилаем указывала на моральные и физические достоинства Тихатуры, а, как следствие, и его потомка. Это проявлялось как в победе над армией более сильного противника, так и над человеком, покусившимся на само существование буддийского учения в Мьянме. Со временем подвиг Тихатуры превратился в своеобразный исторический миф, воспроизводимый в надписях при перечислении государевых заслуг и нацеленный на создание благоприятной почвы для существующей на момент XIV в. властной картины.

Отметим, что в воспроизведении рассматриваемого эпизода наблюдаются региональные различия. Так, в надписях из г. Зэгайна акцент делается на численности солдат монгольской армии, когда в надписях Пиньи отражается лишь факт победы над монгольским ханом.

Особого внимания заслуживает надпись государыни Со (PL 546, SMK IV 144 – 145), расположенная в хранилище Мандалайского дворца под номером 134. В тексте этого источника Хубилая награждают титулом вселенского правителя, что является достаточно странным, учитывая стремление хана поставить под угрозу существование учения в Бирме.

По мнению автора, интерпретация этого термина носит двойственный характер. Во-первых, это могло указывать на величие хана и его стремление к покорению чужих территорий. В представлении буддистов, вселенский правитель должен подчинять соседних правителей и иметь удачливого полководца, т.е. совершать военные походы и захватывать ранее не принадлежавшие ему территории.

Во-вторых, на основании более поздних бирманских источников, одним из атрибутов вселенского правителя являлась активная борьба за трон. Тем самым, употребление термина вселенского правителя по отношению к Хубилаю могло означать примерное осведомление бирманцев о конфликте Хубилая с его братом Аригом-буги и обстоятельствах восшествия Хубилая на трон.

Ключевые слова: надписи, Тихатура, Хубилай, миф, победа, властная картина, физическое и моральное достоинство, вселенский правитель.

Zaitsev I.A. ((Institute of Afro – Asian Studies, Moscow State University)

The historical myth of the victory over Kublai Khan in the reflection of Burmese Sagaing and Pinya stone inscriptions of the 14th century

During the 14th century, in the context of royal merits transfer inscriptions mention the blood relations of a particular king with king Tihatura who defeated the Great Tayouk Khan, the emperor of the Yuan China, Khubilai Khan.

The possible meaning of this phenomenon is vivid. The victory over Khubilai Khan points to the moral and physical merits of Tihatura, and his future descendants. This was manifested both in the victory over the army of a stronger opponent, and over the person who encroached on the very existence of Buddhist teachings in Myanmar. Over the time, the «Tihatura's victory» turned into a kind of historical myth, reproduced in the inscriptions in the context of listing the sovereign merits. It was aimed to create a favorable soil for the 14th century power representation.

In Tihatura's victory myth inscriptional reproduction regional differences are also observed. In inscriptions of Sagaing, the emphasis is on the number of soldiers of the Mongolian army. However, in the inscriptions of Pinya the fact of the victory over the Mongolian Khan is only reflected.

The inscription of the Queen So (PL 546, SMK IV 144 – 145), located in the Mandalay Palace repository (number 134) deserves special attention due to the fact that the title of Mongolian Khan is mentioned as the Universal Monarch. This fact is quite strange, given to the notice the Khan's desire to jeopardize Sasana in Burma.

According to the author, the possible interpretation of this problem is twofold. Firstly, this could indicate the sovereign greatness and desire to conquer foreign lands. In the view of Buddhists, the Universal Monarch must subjugate neighboring rulers and obtain a successful commander, i.e. such a ruler leads military campaigns and seize territories previously not belonging to him.

Secondly, later Burmese historical sources attribute the Universal Monarch as an active struggler for the throne. It means that using this term in relation to Khubilai could be related to an approximate knowledge of the conflict between Khubilai and his brother Ariq Böke and the history of Khubilai's accession to the throne.

Key words: inscriptions, Tihatura, Khubilai, myth, victory, power representation, moral and physical merits, Universal Monarch.

Зарубина Е.Д. (ИВ РАН)

**Об использовании понятия *миньян* в первом уставе
Братства соблюдающих утро из Венеции**

Миньян — это понятие из религиозного еврейского словаря, обозначающее собрание из десяти мужчин, достигших религиозного совершеннолетия (13 лет). Их одновременное присутствие являлось необходимым условием проведения общественного богослужения и некоторых обрядов.

Братство соблюдающих утро было одной из внутриобщинных ассоциаций в еврейской общине Венеции в XVI–XVII вв. Оно включало членов сефардской (левантийской), итальянской и, по-видимому, некоторых других конгрегаций. Формально оно было основано для соблюдения каббалистического ритуала, пришедшего из Цфата — т. н. «соблюдения утра». В действительности деятельность Братства соблюдающих утро из Венеции включала как религиозный, так и светский компоненты.

В функционировании объединения можно заметить явные модернизационные тенденции. Одно из проявлений таких тенденций можно увидеть при анализе контекстов использования понятия «миньян». Наиболее явным при их рассмотрении является то, что это понятие в большинстве случаев теряет свой отчетливо религиозный смысл и становится синонимом «кворума», необходимого для осуществления какой-либо процедуры числа членов Братства. Одновременно с этим сами процедуры через использование религиозного вокабуляра встраиваются в ряд сакрализованных общинных действий.

В первом уставе Братства соблюдающих утро и сопутствующих ему датированных записях слово *миньян* встречается пять раз. Два раза это слово употребляется в изначально присущем ему религиозном контексте, в данном случае, при регламентации порядка выполнения ритуала «соблюдения утра». Три

других случая употребления этого понятия относятся к регламентации процедуры выборов. В контекстах данного типа *миньян* – это кворум, который обеспечивает выполнение светской процедуры и свидетельствует о правильности ее осуществления.

Ключевые слова: Венеция, соблюдение утра, XVI-XVII вв., *миньян*, модернизация.

Zarubina Ye.D. (Institute of Oriental Studies, RAS)

**Concerning the use of the term “minyan” at the first chapter
of Venetian *Hevrat Shomrim la-Boker* fraternity**

Minyan is a term from a religious Jewish vocabulary that designates an assembly of ten men over the age of 13 which is a religious majority age. The presence of such assembly is required for a public worship and some other rites. Hevrat Shomrim la-Boker was one of the benevolent associations in the framework of the Jewish community in Venice at the 16–17th centuries. The members of the Sephardic (Levantine), Italian and, as far as we can judge, several other congregations were involved in the activities of the fraternity. The fraternity’s name suggests that the association was founded to perform the “ashmoret ha-boker” ritual that originated in Safed. In fact, the activities of the fraternity included both religious and secular components.

Modernisation tendencies are quite visible at the fraternity’s functioning. One of the marks of such tendencies is the usage of the term “minyan” and the contexts in which it appears. In majority of the cases the term seems to lose its religious sense and become a synonym for a “quorum” that was necessary to make the fraternity’s secular procedures valid. At the same time the procedures through the usage of the religious terms are sacralised and seen as a part of a public communal worship. At the first fraternity chapter and dated notes accompanying it there are five mentions of the term “minyan”. Two times this term appears at the genuine religious context, particularly, while describing the order of execution of the “ashmoret ha-boker” ritual. Three other cases concern the setting of the election procedure. In these contexts, “minyan” is a quorum that legitimizes the result of the elections.

Key words: Venice, *shomrim la-boker*, 16-17th centuries, *minyan*, modernisation

М.Ю.Илюшина (ВШЭ, С.-Петербург)

**«Портрет» мамлюкского султана Инала (1453–1461)
в арабских источниках XV–XVI вв.**

Большей частью сведений о мамлюкских султанах, правивших в Египте и Сирии с 1250 по 1517 г., исследователи обязаны сочинениям историографов XIII–XVI вв., чаще всего улемов – знатоков арабского языка, мусульманской догматики и права, реже – потомков мамлюков, которые отказались от военной карьеры и посвятили себя вполне мирным занятиям, в том числе составлению исторических хроник и биографических словарей. Эти сочинения нередко содержат более или менее пространственные характеристики правителей – описание внешности, отличительных черт характера, увлечений, пристрастий, талантов, наконец, «хорошего» и «плохого» в деяниях и поступках султана. Такие «портреты», несмотря на их очевидную субъективность, представляют и значительный интерес, и большую ценность для исследователя, поскольку служат

«лакмусовой бумагой» для выявления отношения автора источника к герою его повествования.

Наиболее полно характеристика султана Инала представлена в трудах четырех историков мамлюкской эпохи: Ибн Тагри Бирди (1409–1470), который был сыном высокопоставленного эмира и современником Инала, Ибн Ийаса (1448–1524, также выходца из мамлюкской среды, завершившего работу над своей хроникой более чем через полвека после смерти Инала, и двух представителей сословия улемов – ал-Бика‘и (1406–1480), выдающегося богослова и личного секретаря султана Инала, и ас-Сахави (1427–1497), известного биографа XV в. Изучение и сопоставление сообщений этих средневековых хронистов об Инале позволяет, во-первых, выявить наиболее достоверные штрихи в «портрете» султана, во-вторых, приблизиться к более адекватному пониманию самого источника на основе конкретных примеров того, как социальное положение, обстоятельства карьеры и иные факторы, связанные с личностью автора сочинения, повлияли на характер исторического материала, помещенного им в свой труд.

Ключевые слова: Султанат Мамлюков, источниковедение, Ибн Тагри Бирди, Ибн Ийас, ал-Бика‘и, ас-Сахави.

M.Iliushina (Higher School of Economics, St.Petersburg)

**"Portrait" of the Mamlūk Sultan Īnāl (1453–1461)
in Arabic sources of the 15th–16th centuries**

Chronicles and biographical dictionaries of 13th – 15th centuries are the main source of material for the study of Mamlūk Sultanate (1250–1517) and its rulers. These chronicles and biographical dictionaries have different authors: most of them were Islamic religious scholars – ‘*ulamā’*’, some others were Mamlūk descendants, who abandoned military career and chose a civilian occupation. Quite often their works contain more or less extensive characteristics of rulers, including a description of appearance, distinctive character traits, hobbies, passions, talents, and finally, what was “good” and “bad” in the deeds of a sultan. Such “portraits”, despite their obvious subjectivity, are of considerable interest and great value for a researcher, as they could indicate the chronicler’s attitude to a particular person in his story.

The most detailed “portrait” of the sultan Īnāl is presented in the works of the following writers of the Mamlūk Circassian period (1382–1517): Jamāl al-Dīn Abū al-Maḥāsīn Yūsuf Ibn Taghrī Birdī (1409–1470) – the son of a high-ranking Mamlūk amir and a well-known historian; Muḥammad b. Aḥmad Ibn Iyās al-Ḥanafī (1448–1524) – the descendant of a Mamlūk amir, Ibn Iyās completed his chronicle in the beginning of the 16th century; Burhān al-Dīn Ibrāhīm al-Biqā‘ī (1406–1480) – a scholar-in-residence to the Mamlūk sultan Īnāl; Shams al-Dīn Muḥammad b. ‘Abd al-Raḥmān al-Sakhāwī (1427–1497) – a famous Egyptian historian and biographer of the 15th century.

The examination of their reports may help to explore the impact of the personal position of the chronicler on his narrative, which will allow a modern researcher to revisit and reevaluate the historical source under consideration.

Key words: Mamlūk Sultanate, Īnāl, Ibn Taghrī Birdī, Ibn Iyās, al-Biqā‘ī, al-Sakhāwī.

Иткин И.Б. (ИВ РАН ~ НИУ ВШЭ), Курицына А.В. (НИУ ВШЭ)

**Тохарская рукопись из Сенгима:
проблемы реконструкции и интерпретации**

Многие тексты на тохарских языках дошли до нас в сильно поврежденном состоянии. Некоторые рукописи сохранились лишь в виде какого-то количества разрозненных фрагментов, настолько небольших, что ни один из них даже не был включен в классические издания тохарских текстов основоположников тохаристики Э. Зига и В. Зиглинга. В такой ситуации этапу перевода и интерпретации рукописи неизбежно должен предшествовать этап установления самого факта ее существования.

Примером такого "ранее неизвестного" сочинения может служить тохарская В рукопись из Сенгима. По нашим оценкам, к этой рукописи относится не менее 50 неопубликованных текстовых фрагментов из собрания Берлинской библиотеки. Эти фрагменты никогда не рассматривались вместе, между тем большинство из них соединяется друг с другом, образуя несколько отдельных листов (к сожалению, далеко не целых).

Несмотря на небольшой объем сохранившегося текста, восстановленная таким образом сенгимская рукопись очень интересна как с точки зрения общей структуры, так и с точки зрения содержания. По-видимому, она представляет собой сборник авадан (нравоучительных историй), важнейшую роль в которых играют цитаты из канонических сочинений на санскрите, в первую очередь из хвалебного гимна Будде, написанного знаменитым поэтом начала н.э. Матричетой и известного как "Śatarañcāsatka". Наиболее хорошо сохранившийся лист, восстанавливаемый на основе соединения 13 или 14 отдельных фрагментов, содержит "Пурника-авадану" – историю о служанке купца Анатхапиндики, благодаря своему благочестию и искренней вере сумевшей убедить Будду продлить свое пребывание в городе Шравасты. История Пурники сохранилась на нескольких языках (пали, гандхари, китайском), однако о ее тохарской В версии ранее ничего не было известно.

В докладе планируется кратко осветить ход работы над реконструкцией рукописи и охарактеризовать ее основные особенности.

Ключевые слова: буддийская литература, тохарские языки, тохарские В рукописи, Пурника-авадана.

Itkin I.B. (Institute of Oriental Studies RAS ~ HSE), Kuritsyna A.V. (HSE)

**Tocharian B manuscript from Sengim:
Problems of reconstruction and interpretation**

Many texts in Tocharian languages have reached us in quite a damaged condition. Some manuscripts are extant just as a number of fragmented pieces of such a small size that none of them has been included into the classical editions of Tocharian texts by the pioneers of tocharology E. Sieg and W. Siegling. In such cases, the stage of translation and interpretation of a manuscript must be preceded by the stage of establishing the very fact of its existence.

An example of such an "earlier unknown" composition is the Tocharian B manuscript from Sengim. According to our estimates, at least 50 unpublished text

fragments from the collection of the Berlin State Library belong to this manuscript. These fragments have never been treated together, meanwhile most of them can be joined with each other composing several separate leaves (unfortunately, still far from whole).

Despite the rather small volume of the preserved text, the Sengim manuscript reconstructed in this way is very interesting both regarding its general structure and its content. Apparently, it presents a book of *avadānas* (didactic stories), in which a key role belongs to citations from canonical texts in Sanskrit, first of all from the Hymn to the Buddha known as “*Śatapañcāśatka*” and written in the beginning of CE by the famous poet *Māṛceta*.

The best-preserved leaf whose reconstruction is based on a join of 13 or 14 separated fragments contains the “*Pūrṇikā-avadāna*”, a story of merchant *Anātha-piṇḍika*’s maidservant who, thanks to her piety and sincere faith, could persuade the Buddha to prolong his stay in the city of *Śrāvastī*. The *Pūrṇikā* story is extant in several languages (Pali, *Gāndhārī* and Chinese), but its Tocharian B version has been unknown earlier.

In our paper we’d like to briefly highlight the work on the manuscript’s reconstruction and to characterize main peculiarities of this manuscript.

Key words: Buddhist literature, Tocharian languages, Tocharian B manuscripts, *Pūrṇikā-avadāna*.

Колнин И.С.

Ван Даюань 汪大淵 и Дао и чжи люэ 島夷誌略 («Краткое описание островных чужеземцев»; ДИЧЛ; 1349/1350 гг.) – китайский Марко Поло и «Книга о разнообразии мира»?

Дао и чжи люэ 島夷誌略 («Краткое описание островных чужеземцев»; ДИЧЛ; 1349/1350 гг.) — уникальный историко-географический источник о странах Южных морей эпохи Юань (1279–1368). Его автор, Ван Даюань 汪大淵 (ранее 1311 – после 1350 гг.), фактически был первым китайским торговцем, посетившим многочисленные страны на южных и западных морских путях Китая и оставившим после себя их подробное описание. ДИЧЛ – первый в истории Китая памятник, полностью посвящённый государственным образованиям на южных рубежах Китая, составленный на основе лично увиденного автором.

Упоминание ДИЧЛ в качестве источника информации присутствует как в сочинении *Ин я шэн лань 瀛涯勝覽* («Достопримечательные земли отдаленных морей»; 1433 г.) Ма Хуаня 馬歡, сопровождавшего Чжэн Хэ в экспедициях страны Южных морей (1405–1433), так и в цинском энциклопедическом трактате *Хайго тужчи 海國圖誌* («Описание заморских стран с картами») авторства известного реформатора Вэй Юаня 魏源 (1794–1856).

Несмотря на это, в эпохи Мин и Цин за исключением того, что ДИЧЛ был включён в *Сыку цюаньшу 四庫全書* («Полное собрание книг по четырём разделам»; конец XVIII в.), он хранился лишь в частных собраниях. При этом другое сочинение конца эпохи Юань – начала Мин *Июй чжи 異域志* («Описание диковинных краёв»; ИЮЧ) было очень популярно и широко перепечатывалось. Можно провести параллель между ДИЧЛ и «Книгой о разнообразии мира»

Марко Поло (1254-1324), которая в своё время также не удостоилась должного внимания и вызвала шквал критики в адрес её автора. В то же время «Приключения сэра Джона Мандевилля» (2-я пол. XIV в.), равно как и ИЮЧ в Китае, пользовались исключительной популярностью в Европе. Похоже, причина в том, что работы такого жанра как в Европе, так и в Китае, изобиловали различными небылицами, невиданными существами и т.д. ИЮЧ и «Приключения» прекрасно вписывались в эту канву, в то время как в ДИЧЛ и «Книге» этих описаний было значительно меньше, они ценились узким кругом людей именно за свою правдивость и реальные полезные сведения.

Ключевые слова: Дао и чжи люэ, Ван Даюань, Книга о разнообразии мира, Марко Поло, историко-географическое описание, мифологизация, небылицы, восприятие, торговля, купцы, мореплавание.

Kolnin I.S. (Higher School of Economics University)

***Wang Dayuan* 汪大淵 and *Daoyi zhilue* 島夷誌略 («A Brief Account of the Island Barbarians»; DYZL; 1349/1350) — a Chinese Marco Polo and «Book of the Marvels of the World»?**

Daoyi zhilue 島夷誌略 («A Brief Account of the Island Barbarians»; DYZL; 1349/1350) is a unique historical geographical source of the Yuan dynasty (1279 – 1368) about the countries of the Southern Seas. Its author, Wang Dayuan 汪大淵 (before 1311 – after 1350) was in fact the first Chinese merchant who went to various countries on the southern and eastern sea routes of China and left their detailed description. DYZL is the first source in China's history which is fully dedicated to foreign policies to the south of China which was compiled on the basis of what the author had personally seen.

DYZL is mentioned as a source of information in *Yingya shenglan* 瀛涯勝覽 («The Overall Survey of the Ocean's Shores»; 1433) written by Ma Huan 馬歡 who accompanied Zheng He in his expeditions to the Southern Seas (1405–1433) and also in the Qing dynasty's encyclopedic treatise entitled *Haiguo tuzhi* 海國圖誌 («Illustrated Treatise on the Maritime Kingdoms») by a famous reformer Wei Yuan (1784–1856).

Although DYZL was included in *Siku Quanshu* («Complete Library in Four Sections»; the end of the 18th century), apart from that during the Ming and Qing dynasties it was mostly circulated only among private libraries. However, another late Yuan – early Ming work *Yiyu zhi* 異域志 («The Record of Strange Nations»; YYZ) enjoyed wide popularity and was often reprinted. A parallel can be drawn between DYZL and «The Book of the Marvels of the World» by Marco Polo (1254-1324) which also did not receive much attention and was the cause of the deluge of criticism faced by its author. At the same time «The Travels of Sir John Mandeville» (second half of the 14th century), just as YYZ in China, were extremely popular in Europe. It seems likely that the reason for that was the fact that works of such genre both in Europe and China were full of various tall tales, mythical creatures etc. YYZ and «The Travels» fell under these requirements perfectly whereas DYZL and «The Book» had much less of these descriptions, they were valued by a small number of people for their veracity and real useful data.

Key words: Daoyi zhilue, Wang Dayuan, Book of the Marvels of the World, Marco Polo, historical geographical description, mythologization, tall tales, perception, trade, merchants, seafaring.

Коровина Е.В. (ИЯ РАН)

К границам стиха: заметки об одном фрагменте кохау ронгоронго

Одним из направлений работы с недешифрованными системами письма является поиск аналогов к фрагментам надписей среди текстов, записанных на родственных языках в известной графике. Среди многочисленных высокоструктурированных последовательностей в текстах *кохау ронгоронго* выделяется фрагмент в начале текста *Аруку–Куренга*. Он представляет собой повторение короткого фрагмента с вариацией 5 раз. Традиционно это сближается с поэтическими фрагментами на полинезийских языках, однако в действительности, как представляется, прямых аналогов этому фрагменту среди них нет. В докладе предполагается на примерах из различных полинезийских традиций показать, в чем состоит отличие данного отрывка от того, что типично для полинезийской традиции. Также интересным представляется вопрос, почему подобные структуры делают гипотезу о "стихе" привлекательной.

Ключевые слова: ронгоронго, стихосложение, формальные модели.

Korovina E.V. (Institute of linguistics, RAS)

Towards the border of the versification: some remarks about one fragment of the *kohau rongorong*

One of the directions of work with nondeciphered writing systems is to find analogues to fragments of inscriptions among texts recorded in cognate languages in a known graphics. Among the many highly structured sequences in the texts of the *kohau rongorong*, a fragment stands out at the beginning of the *Aruku–Kurengu*. It is a repetition of a short fragment with a variation. Traditionally, this is closer to poetic fragments in Polynesian languages, but it seems that in fact there are no direct analogues to this fragment among them. The report suggests that examples from different Polynesian traditions show in what this passage differs from what is typical of Polynesian tradition. Also interesting is the question why such structures make the hypothesis of "verse" so attractive.

Key words: rongorong, versification, formal models.

Лахути Л.Г. (ИВ РАН)

«Долины» Мантик ат-тайр в других поэмах ‘Аттара

О композиции поэм-маснави Фарид ад-Дина ‘Аттара нет единого мнения. Говорилось как об отсутствии сознательного внимания Аттара к композиционному строю его стиха, так и о продуманности композиции его поэм. При этом, как правило, такие утверждения не сопровождались анализом их структуры. В докладе ‘аттаровская концепция стоянок — «долин», лежащих на духовном пути суфийского подвижника, рассматривается как одно из структурообразующих начал всех трех поэм — маснави ‘Аттара, *Мантик-ат-тайр* («Язык птиц»), *Мусибат-наме* («Книга печали») и *Илахи-наме* («Божественная книга», или «Кни-

га воззвания к Богу»). Все они построены как обрамленная повесть и содержат множество вставных рассказов. В *Мантик-ат-тайр* эти стоянки (этапы пути) — «долины», эксплицитно названные и описанные, — определяют ход повествования. В двух других в рамочной истории прямое описание пути и его стоянок отсутствует, тем не менее, можно видеть, что и в той и другой поэме узловые моменты повествования определяются теми же этапами пути.

В докладе будут обсуждаться две первые долины (этапы пути, стоянки) — «Искания» (*talab*) и Любви (*'iṣṣq*).

Ключевые слова: персидская поэзия, суфизм, структура текста, суфийские маснави 'Аттара, «долина искания», «долина любви».

Lahuti L.G. (Institute of Oriental studies, Russian academy of sciences)

The 'valleys' of *Mantiq at-tayr* in other *mathnavi*-poems by Farid ad-Din 'Attar

The paper discusses the composition of the Mathnavi poems by Farid ad-Din 'Attar. There are opposing opinions whether or not 'Attar paid attention to the composition of his poems with some saying that he did not and others that the composition of his poems was carefully thought out. As a rule, neither of such statements is usually accompanied by an analysis. In the paper, 'Attar's concept of the 'valleys', i.e. stations on the spiritual path of a Sufi ascetic, is considered to be one of the structure-forming principles of all three Mathnavi poems of 'Attar, that is *Mantiq at-tayr* ("The Speech of the Birds", or "The Conference of the Birds"), *Musibat-nameh* ("Book of Adversity"), and *Ilahi-nameh* ("The Divine Book", or "The Book of God"). Each of them is based on a frame-story and supplemented by many interspersed short individual stories. In *Mantiq at-tayr*, these 'valleys' constitute a big part of the frame; they are named and explicitly described and as such determine the course of the narrative. Frame-stories of the other two poems lack any direct description of the path and its stations, nevertheless, it can be seen that in both poems the key moments of the narrative are determined by the same 'valleys' of the path. The paper deals with the first two valleys — the Valley of Seeking (*talab*) and the Valley of Love (*'ishq*) in the afore mentioned poems.

Key words: Persian poetry, Sufism, text structure, Sufi Mathnavis by Attar, "Valley of the Search", "Valley of Love"

Лахути С.В. (ИВ РАН, РГГУ)

***Salutatio* в поэме Фирдоуси «Шах-наме»: структура и лексика формальной рамки посланий**

«Приветствия царю, моему господину!», «О славный шах Хинда!», «Милостивый Государь, Николай Васильевич!» — в большинстве культур от древности и до наших дней приветствие становилось важной частью формальной рамки письма. Наличие такой рамки, то есть повторяющихся «этикетных» частей, которые обрамляют содержательную часть письма, является характерной чертой эпистолярного жанра в целом, — и послания в поэме Абулькасима Фирдоуси «Шах-наме» (X–XI вв.) не оказываются исключением. Около половины из приблизительно трехсот имеющихся в «Шах-наме» письменных и устных посланий содержат те или иные элементы формальной рамки. При отображении посланий в художественном тексте формальная рамка в зависимости от авторского

замысла может приводиться как в полном, так и в усеченном виде, а может и совсем не приводиться, особенно в длинных цепочках сообщений. Из всех посланий «Шах-наме» приветствия имеются в 35, то есть более чем в 10%.

В докладе будет рассматриваться специфика приветствий в «Шах-наме», в том числе и в соотношении с другой частью формальной рамки, а именно с адресной частью – унваном. Унваны предваряют текст послания, сообщая, от кого оно и кому предназначено. «Ядро» унвана составляют имена и титулы отправителя и получателя, они бывают дополнены гонорификами, разнообразными эпитетами и др. Это же характерно и для писем в «Шах-наме». Анализ подобных «расширений» позволил выработать их классификацию и выявить корреляцию с содержанием письма и коммуникативной интенцией отправителя. Эта классификация будет использована для анализа лексики приветствий и сопоставления этих двух частей формальной рамки послания.

Ключевые слова: средневековая эпистолография, послания в «Шах-наме», опосредованная коммуникация, приветствие, *salutatio*, структура письма.

Lahuti S.V. (Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; Russian State University for the Humanities)

***Salutatio* in Ferdowsi's poem *Shah-nameh*: the structure and lexical content of message's formal structure**

The letter's formal structure is considered to be an important feature of epistolary genre, while the greeting, or *salutatio*, appears to be its essential part from ancient times, as indicated by numerous examples from different epochs and cultures: 'Greetings to the king, my lord!', 'Oh glorious King of Hind!', 'Kind Sir Nikolay Vasilyevich', etc. Messages in Abolqasem Ferdowsi's poem *Shah-nameh* (9th-10th cc. CE), although literary, also share this feature. There are close to 300 oral and written messages in the poem and around half of those messages include one or more parts of the formal structure. Depending on author's strategy the formal structure can be represented fully or partially or completely non-existent, especially if that message is a part of a long chain of messages. Greetings are included in 35 of all the messages in *Shah-nameh* (i.e. more than 10%.)

The paper deals with the characteristics of a greeting in *Shah-nameh* as well as its comparison to the address (*unwan*). Unwans also precede the letter as another part of a formal structure and inform the reader of letter's addresser and addressee. Communicants' names and official titles constitute unwan's base and are usually accompanied by honorifics, varied epithets, etc. The analysis of such extensions in addresses from the poem allowed to develop their classification. It also allowed to show their correlation with the letter's content and the communicative intention of the addresser. This classification is used to analyse the lexical content of the greetings and to compare these two parts of the formal structure in this respect.

Key words: medieval epistolography, messages in *Shah-nameh*, mediated communication, greeting, salutation, letter structure.

Микульский Д.В. (ИВ РАН)

Французский перевод трактата «Благоуханный сад для духовных услад» шейха ан-Нафзави (конец XIX в.): история адаптации восточного текста для французского читателя

Французская словесная культура еще со средневековых времен испытывает значительное влияние восточных литератур. Деятнадцатое столетие — эпоха политической и военной экспансии Франции в Арабском мире — подарила новые литературные приобретения, оказавшиеся значимыми не только для востоковедов, но и для широкого читателя. Одним из них является эротический трактат «Благоуханный сад для духовных услад» тунисского шейха ан-Нафзави (XIV в.), ставший известным во Франции благодаря завоеванию Алжира: некий французский офицер Генерального штаба, скрывшийся за псевдонимом барон R, издал в 1850 г. французский его перевод, получивший такую известность, что на него обратил внимание сам Ги де Мопассан. В 1886 г. новый, как тогда утверждалось, перевод трактата опубликовал известный французский издатель эротической литературы Изидор Лизо (1835–1894). Правда, скорее всего, это «новый» опус представлял собой лишь несколько видоизмененный перевод, сделанный таинственным бароном R. Перевод И. Лизо был переиздан в 1904 г.

В моем владении оказалось еще одно переиздание этого памятника французского переводческого искусства, осуществленное в 1953 г. издательством Arcanes (Le Jardin Parfumé. Manuel d'érotologie arabe). Тираж издания — 1000 пронумерованных экземпляров (в моем распоряжении — экземпляр № 679). Размер книги 19,0×14,2 см. Напечатана на плотной бумаге, в бумажном переплете. Представляет собой типичное французское недорогое издание 1920-х — 1950-х гг.

По составу глав и входящих в них материалов несколько отличается от арабской версии текста, с которой мне довелось работать. Перевод носит по-французски изящный характер, без буквализмов. (Такая манера перевода — переложения восточного текста на французский язык была заложена еще А. Галланом (1646–1715), первооткрывателем «Книги 1001 ночи» для французского читателя).

Наконец, последний на сегодняшний день французский перевод памятника был опубликован в 1976 г. французским арабистом арабского происхождения Р. Хавамом (1917–2004). Так что жизнь арабского эротического трактата, пересаженного на французскую литературную почву, продолжается.

Ключевые слова: арабская литература, французская литература, художественный перевод, арабские эротические трактаты, ан-Нафзави, И. Лизо, А. Галлан, Р. Хавам.

Mikulski D.V. (Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)

The French translation of the epistle “The Perfumed Garden for Sensual Delights” by the sheikh al-Nafzawi (19th c.): a history of the adaptation of an Oriental text for a French reader

Since the Medieval times the French literary culture has been exercised to the substantial influence of Oriental literatures. The 19th century, the epoch of France's especial political and military expansion in the Arab world, brought new cultural

and literary acquisitions, which appeared to be significant for Orientalists as well as for common readers. One of such is the erotic epistle “The Perfumed Garden of Sensual delights” by the Tunisian sheikh al-Nafzawi (14th c.). The epistle became known in France due to the conquest of Algeria, when a certain French officer of the General Staff, who concealed himself behind the penname of Baron R, published in 1850 the French translation of the treatise. The translation acquired such fame, that even G. de Maupassant in person paid homage to it. In 1886 a new translation of the epistle, as it was then announced, was printed by the famous publisher of erotic literature Isidore Liseux (1835–1894). But it is most probable, that this “new” opus appeared to be the very translation carried out by the mysterious Baron R, but slightly modified. The Liseux translation was re-published in 1904.

I own another re-issue of this specimen of the French art of literary translation, carried out in 1953 by the *Arcanes* publishing house (Le Jardin Parfumé. Manuel d'érotologie arabe): in thousand numbered copies (my copy bears the № 679). Its size is 19,0 x 14,2 cm. Printed upon thick paper, in the paper binding. The copy is a typical French inexpensive edition of 1920–1950-ies.

The content of the chapters differs to a certain degree from that of the Arabic version I used to work with before. The translation is made in an elegant, French style, without word-for-word cases. Sometimes it appears to be rather far away, as one may judge, from the original Arabic text. (Such a manner of translation or rather of an arrangement of an Oriental text into the French language was established long ago by A. Galland (1646–1715), the first French translator of the “Arabian Nights”.

Finally, the last French translation of the epistle was published in 1976 by the French Arabist of Arabic origin R. Khawam (1917–2004).

Thus, the life of the Arabic erotic epistle, transplanted into the French literary soil, continues.

Key words: Arabic literature, French literature, literary translation, Arabic erotic epistles, al – Nafzawi, I. Liseux, A, Galland, R. Khawam

Мишин Д.Е. (ИВ РАН)

***Шах-наме* Фирдоуси как источник по истории Сасанидов**

Настоящий доклад призван представить некоторые наблюдения, сделанные при рассмотрении «Книги о царях» Фирдоуси как источника по истории Сасанидов, именно:

1. Фирдоуси утверждает, что основывается на источниках сасанидского времени (книга дехкана, древняя книга). В целом его сюжеты соответствуют тем, которые известны по другим источникам и считаются сасанидскими. Но вероятно, что сведения Фирдоуси восходят не к сасанидским первоисточникам, а к одной из их арабских переработок. На это указывает употребление арабизированных имён там, где можно было бы ожидать появления персидских. Например, Шапур II именуется *зу-ль-актаф*, имя Хосрова I передаётся как *Кисра*, а имя его отца Кавада I и правнука Кавада II – как *Кубад*. Это особенно заметно на фоне тенденции автора избегать арабских заимствований.

2. Источник Фирдоуси не тождествен ни с одной из дошедших до нас мусульманских историй Сасанидов. Это видно прежде всего по датам правления царей, которые у Фирдоуси нигде полностью не совпадают с каким-то одним

мусульманским источником. Кроме того, Фирдоуси выделяет в отдельное сообщение историю правления Хормузда III, боровшегося за власть с Перозом в 458 г. Так поступают лишь отдельные персидские историки (Мустоуфи Казвини, Мирхонд, Яхья Казвини).

3. Источник Фирдоуси был, очевидно, полнее дошедших до нас мусульманских источников. Он вбирал в себя сюжеты, обычно не встречающиеся в мусульманских передачах сасанидской литературы. Так, рассказ об объединении Ирана под властью Ардашира I находит параллели скорее в позднесасанидской «Книге деяний Ардашира Папакана», чем в трудах мусульманских авторов. Нигде больше не встречается подробный рассказ о подчинении государства эфталитов Сасанидам и тюркам при Хосрове I.

4. Источник Фирдоуси содержал некоторые ошибки, встречавшиеся в мусульманской литературе. Так, война с царём Хатры помещена в царствование Шапура II, хотя на деле имела место при Шапуре I.

Ключевые слова: Фирдоуси, *Шах-наме*, Сасаниды.

Mishin D. Ye. (Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)

Firdowsī's *Shāh-nāmeḥ* as a source of the Sasanid history

This paper aims at presenting some observations which I have made while analysing Firdowsī's *Shāh-nāmeḥ* as a source of the Sasanid history, namely:

1. Firdowsī claims that his narration is based upon sources from Sasanid times (*dehqān's* book, ancient book). As a whole, his stories are similar to those found in other sources and recognized as Sasanid. Yet it is probable that Firdowsī's information goes back to an Arabic retelling of Sasanid sources rather than those sources themselves. This is illustrated by Firdowsī's use of Arabized names instead of Persian. For instance, Shapur II appears as *dhū-l-aktāf*, Chosroes I as *Kisrā*, and both Kawads (Chosroes I's father and grand-grandson), as *Qubād*. This is illustrative if one bears in mind Firdowsī's trend to avoid using Arabic loanwords.

2. Firdowsī's source is not identical with any extant Muslim history of Sasanids. His dates of Sasanids' rules do not fully agree with any other Muslim source. Besides, Firdowsī devotes a special chapter to the history of Hormuzd III, who struggled for power against Peroz in 458. Only a few Persian writers (Mustawfī Qazwīnī, Mīr Khwānd, Yahyā Qazwīnī) do that.

3. Firdowsī's source must have been more extensive than the extant Muslim sources. It comprised sources which usually are not found in Muslim retellings of Sasanid sources. Firdowsī's story of the unification of Ērān under Ardashir is closer to late Sasanid 'Deeds of Ardashir Pabagan' than to Muslim writings. Firdowsī's detailed story of the submission of the Hephtalite state to the Sasanids and Turks under Chosroes I is not found anywhere else.

4. Yet, Firdowsī's source contained some mistakes which sometimes occur in Muslim literature. For instance, the war against the king of Hatra is placed in the rule of Shapur II, while it actually took place under Shapur I.

Key words: Firdowsī, *Shāh-nāmeḥ*, Sasanids.

Пригарина Н.И. (ИВ РАН)

Ранняя поэзия Лахути и ее связь с суфийскими учениями

Выявление связи газели с принадлежностью автора какому-либо суфийскому братству или направлению, как правило, представляет определенную трудность, если не иметь об этом прямых сообщений биографов и сведений о его наставниках-шейхах. Сказывается ли идеология того или иного братства в поэтике газели — один из самых малоизученных вопросов текстологии. Существуют ли проверенные способы различить в газели двух авторов, например, Амира Хусрава и Джами, поэтические особенности, диктуемые именно принадлежностью к разным братствам (*чиштите* и *накибанди*)?

В докладе речь пойдет о малоизвестной странице творчества Абулькаси́ма Лахути — его ранней поэзии. Имеется в виду раздел Дивана, изданного впервые Али Башири в 1979 г. в Тегеране, обозначенный как *Аш'ар-е мазхаби ва 'ирфани* («Религиозные и суфийские стихи»). Если революционные, патриотические, лирические стихи Лахути, публиковавшиеся, начиная с 1909 г., широко известны, много раз изданы и изучены, то ранняя поэзия Лахути, отражающая время его пребывания в рядах суфийских братств, была не только практически недоступна большинству исследователей, но, к тому же, раньше, в трудах советских литературоведов, ее существование как бы не принималось во внимание при построении творческой биографии поэта.

Упомянутый раздел состоит из религиозных произведений крупных форм (*тарджи банд*, *таркиббанд*, *мухаммас*), а также фрагментов (*кита'ат*) и газелей (*газалиййат*). Туда же входят традиционные жанры: описание единства Божьего — основного догмата ислама *таухид*; *на'т* — восхваление пророка Мухаммада, Али, имама Хусейна, оплакивание событий в Кербеле, восхваление наставника шейха Хейрана Курдистани и еще ряд произведений. Вторую часть раздела составляют 107 газелей. Как сообщает Лахути в своей автобиографии, он вступил в орден не'матуллахи и имел последовательно трех наставников, каждый из которых представлял три вида суфийского пути — экстатически-визионерский, воинствующий и, наконец, путь скромного безгрешного поведения и довольствования малым. Соответственно, в газелиййате можно условно выделить три направления: экстатическое, «жестокое» и «уравновешенное». В творчестве этого периода можно найти и знакомство с доктриной *ахл-е хакк* или *'али-илахи*. Поскольку сведения об этом братстве, относящиеся к первому десятилетию XX века дает В. Ф. Минорский, в докладе будет прослеживаться связь поэзии Лахути с учениями суфийских братств, отразившимися в поэтике газели.

Ключевые слова: Лахути, газель, суфийский, братство, Минорский, *'али-илахи*, *накибанди*, *не'матуллахи*, *ахл-е хакк*, Давуд

Prigarina N.I. (Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)

Early poetry of Lahuti and its link to Sufi Doctrines

As a rule, it is difficult to identify a link between a ghazal and its author's affiliation with a certain Sufi fraternity or school unless there is a direct indication from the biographers or information about the author's mentors from among the sheiks. One of the least investigated questions in text studies is whether or not an ideology of this or that fraternity is reflected in the poetics of ghazal. Are there any proven

methods to distinguish between two authors (one belonging to Chishti and the other to Naqshbandi orders) in a ghazal, for instance, Amir Khusrau and Jami? Are there any poetic peculiarities that are determined specifically by their belonging to a particular fraternity?

This paper deals with a little-known page in the poetry of Abulqasim Lahuti, his early poetry, namely a section of Divan first published by 'Ali Bashiri in Teheran in 1979 and referred to as Aš 'ār-e maẓḥabi va 'erfāni ("Religious and Sufi verses"). Whereas revolutionary, patriotic and lyrical poetry of Lahuti (published since 1909) is well-known, well-studied and well-published, his early poetry, reflecting his time with the Sufi fraternities, has been inaccessible for most researchers. Moreover, the mere existence of his early poetry was not even accounted for in the works of Soviet researchers who attempted to write Lahuti's biography.

The mentioned section consists of religious works in the forms of tarji'band, tarqibband, musammas as well as fragments (qit'a) and ghazals. It also contains traditional genres, like a description of the unity of God, the main dogma of Islam tawḥid; na't praise of Prophet Muhammad, praise of Imams 'Ali and Ḥusein; lamentation on the events in Karbala; praise to Sheikh Ḥayrān Kurdistāni and a number of other works.

The second part of the section contains 107 ghazals. As Lakhuti informs in his autobiography, he became a member of the order of *ne'matullāhi* and had three mentors, each of whom represented one of three types of Sufi Path: ecstatic and visionary one; a militant one, with a strong aristocratic positioning; and a humble one praising holy behaviour and being content with little.

Accordingly, it is possible to provisionally identify three directions in his lyric poetry, namely ecstatic, "harsh" and "balanced". Lahuti's work of this period demonstrates acquaintance with the doctrine of *ahl-e ḥaqq* (or 'Ali-ilahi) Sufi fraternity.

Since information about this fraternity related to the first decade of the 20s century has been provided by V.F. Minorsky, this paper will focus on the connection between Lahuti's early poetry and the doctrine of Sufi fraternities as reflected in the poetics of his ghazal.

Key words: Lahuti, ghazal, Sufi, fraternity, Minorsky, 'ali-ilahi, ahl-e ḥaqq, Davud.

Рейснер М.Л. (ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова)

Вариации мотива заочной влюбленности в персидском любовно-романическом эпосе (XI–XV вв.)

Формирование канона любовно-романической поэмы в персидской классической литературе начинается с «большого эпоса» — «Шах-нама» Фирдауси: внутри героической по жанровой доминанте эпопеи имеются любовные истории. Дастан о любви Заля и Рудабе даёт ранний вариант реализации мотива заочной влюбленности: рассказ придворного о красоте царской дочери пробуждает любовь Заля, а слова царя о доблести юного седовласого богатыря, сказанные в присутствии дочери — любовь Рудабе.

В дальнейшем мотив становится одним из устойчивых элементов сюжета, развиваясь по двум линиям: в одних маснави это влюбленность по портрету

(«Хусрав и Ширин», «Семь красавиц» Низами, рассказ о Раби'е бинт Ка'б в «Илахи-нама» 'Аттара), в других – влюбленность во сне (рассказ о старце Сана'ане в «Мантик ат-тайр» 'Аттара, «Йусуф и Зулайха» Джами). При наличии вариантов мотив имеет постоянную функцию в сюжете (причина возникновения чувства) и сопровождается компонентами описательного характера (васф). В ряде повествований мотив повторяется троекратно (у Низами художник Шапур трижды показывает Ширин портрет Хусрава, у Джами Зулайха трижды видит во сне Йусуфа). Имеется случай «сращения» мотива влюбленности по портрету с другим постоянным мотивом любовно-романических повествований – строительством дворца. В «Семи красавицах» Низами главный герой – царь Бахрам – видит портреты семи дочерей разных поясов земли и свой собственный портрет в тайной зале возведенного по его приказу дворца Хаварнак. Над портретами он читает надпись-предсказание и влюбляется в красавиц. Своеобразную версию мотива даёт 'Аттар в рассказе о Раби'е бинт Ка'б: героиня сопровождает письмо с признанием в любви своим автопортретом.

Во всех историях мотив заочной влюбленности не только является устойчивым элементом повествовательной структуры, но выступает как приём включения в текст описаний красоты.

Ключевые слова: любовно-романический эпос, канон, мотив, заочная влюбленность, портрет, сон.

Reisner M.L. (Institute of Afro-Asian Studies, Moscow State University)

**Variations of motif of 'Falling in love without seeing' in Persian love romance
(11th-15th cen.)**

The formation of canonic form of Persian classic love romance began with great epic poem Shahnameh of Ferdowsi in which alongside with heroic stories some love narrations appeared. The dastan of Zal and Rudabe gives us early example of using motif of 'falling in love without seeing'. First one courtier described beauty of king's daughter and woke up love in Zal's heart, then the king told about courage of young grey-haired hero in the presence of his daughter and inflamed her feelings.

Later on, this motif became one of the constant elements of plot and developed in two ways. In one group of masnavi it was falling in love with the help of portrait (Khusraw and Shirin and Seven Portraits of Nizami, the story of Rabi'a bint Ka'b in Illahinama of 'Attar), in the other – falling in love in dream (the story of Sheikh Sana'an in Mantiq al-tayr of 'Attar). Having different variants the motif plays the same role in the plot – it serves stimulating motive of love, accompanied with the descriptions of beauty (wasf). In some romances, the motif repeats three times, for example, in Nizami's poem, Shapur the painter three times shows Khusraw's portrait to Shirin; in Jami's poem, Zulaikha three times sees Yusuf in her dreams. In some cases, we can find a sort of confluence of the motif of portrait with another constant motif of love stories – building of a palace. In the Seven Portraits king, Bahram sees the portrait of seven princesses from different countries and the portrait of himself in the secret room of Havarnak palace built by his order. He reads the prediction over the portraits and falls in love with the beauties. A specific version of this motif is given by 'Attar in the story of Rabi'a bint Ka'b. The heroin writes a letter with a love declaration and adds a self-portrait to it.

In all stories, the motif of 'falling in love without seeing' is not only the constant element of narrative structure but also a device serving for incorporating descriptions of beauty to the text.

Key words: love romance, canon, motif, falling in love without seeing, portrait, dream.

Розов В.А. (СПбГУ)

Звуковой символизм в Коране: функциональный и сопоставительный анализ¹

Коран является уникальным религиозным текстом, во многом отражающим предшествующую в Аравии традицию сакральной речи. Для него характерны также специфические формальные свойства и закономерности, присущие текстам, которым приписывается сверхъестественное происхождение. Одной из этих особенностей является звуковой символизм или оноματοпея.

Звуковой символизм в кораническом тексте полифункционален и служит для реализации ряда коммуникативных целей. Он (1) маркирует сакральный характер текста и отделяет его от профанной речи. Оноματοпея также (2) используется в качестве художественного средства, передающего эмоциональный настрой или помогающего описывать природные или космические явления. Наконец, звуковой символизм (3) является своего рода производным эффектом (и вместе с тем дополнительным средством усиления) характерной для Корана аллитерационной рифмы, в том числе возникающей из-за единства морфологических моделей слов, завершающих айаты.

Широкое использование звукового символизма в Коране, особенно в ранних сурах, побуждает к дополнительному исследованию звукового символизма в Коране. При этом такое исследование должно осуществляться в том числе с привлечением сравнительного материала из других культур и учетом новых подходов к изучению морфологических особенностей арабского языка.

Ключевые слова: Коран, оноματοпея, сажж^с, эмотивный анализ, морфология.

Rozov V.A. (SPb State University)

Sound Symbolism in the Quran: Functional and Comparative Analysis

The Qur'an is a unique religious text, reflecting the tradition of sacred speech in the ancient Arabia. It is also featured by specific formal properties and patterns inherent in texts and attributed to a supernatural origin. Sound symbolism or onomatopoeia is one of these features.

Sound symbolism in the Quranic text has multiple functions and fulfills different communicative goals. It (1) marks the sacral origin of the text and separates it from the profane speech. Onomatopoeia is also (2) used as an artistic method that conveys emotions or helps to depict natural or cosmic phenomena. Finally, sound symbolism (3) is a kind of derivative effect (and at the same time a way of additional amplification) from the alliterative rhyme. This kind of the rhyme is a characteristic

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 18-012-00849.

feature of the Koran, and often is a product of the morphological unity among ayah`s final words.

The extensive usage of sound symbolism in the Qur'an, especially in the early suras, prompts an additional study of onomatopoeia in the Qur'an. Moreover, further studies should be carried out involving comparative material from other cultures and taking into account new approaches to the study of the morphological features of the Arabic language.

Key words: Quran, onomatopoeia, saj', emotive analysis, morphology.

Сайтбатгалов И.Р., Сайтбатгалова Ю.А. (БашГУ, г. Уфа)

Сюжетные повествования в толковании Тадж ад-Дина б. Йалчигула к Корану²

Толкование Тадж ад-Дина б. Йалчигула к одной седьмой части Корана, завершённое в 1829 и опубликованное в 1883 году, — один из наиболее объёмных (376 страниц) и противоречивых памятников коранической экзегетики народов Урало-Поволжья. Толкование охватывает первую, начальные *айаты* второй, тридцать шестую, сорок восьмую и все последующие *суры* Корана. Толкователь опирается на данные классической арабской филологии, в частности, словарь Файрузабади, шесть суннитских сборников *хадисов*, правоведческую литературу ханафитского *мазхаба*, *тафсиры* Ибн Касира, Ибн Аббаса, а также на обширную агиографическую литературу, идентификация которой зачастую затруднительна.

В структуре комментария ко многим сурам присутствуют сюжетные повествования разного объёма (от нескольких строк прозы до двух-трёх страниц), вводимые словами *рибайат* (предание), *хикайат* (рассказ), *ал-кисса* (повествование, итак). Первое открывает рассказы о пророке Мухаммаде и других пророках, второе — любые другие рассказы, третье — разграничивает эпизоды в рамках одного рассказа. Повествования имеют законченную композицию и выстраиваются вокруг одного события. Отношения коранического текста и повествования могут быть различными: повествование комментирует *суру* в целом (109–112), группу *сур* (113–114), группу *айатов* (36: 13–30), отдельное слово (52: 1). Повествования, комментирующие всю *суру*, обычно расположены между названием и толкованием к *айатам*, реже — после него (111), повествования, связанные с группой *айатов*, включают их в свою собственную структуру, толкования, привязанные к отдельным словам или терминам, включены в комментарий к стихам.

Сюжетные повествования, прямо не ссылающиеся на источники, вызвали наибольшее неприятие со стороны богословов-модернистов XIX – начала XX века, однако именно они демонстрируют стремление Тадж ад-Дина представить Коран как целостное, всеохватное знание, связанное как с историей человечества, так и с актуальными запросами верующих.

Ключевые слова: кораническая экзегетика, рассказы о пророках, суфийская литература, старотюркский язык, Тадж ад-Дин б. Йалчигул.

² Подготовлено при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации (проект МК-5443.2018.6).

Saitbattalov I.R., Saitbattalova Yu.A. (Bashkirian State University)

The plot narratives in Taj ad-Din b. Yalchighul's interpretation of the Quran

Key words: Quranic exegetics, stories about the prophets, Sufi literature, Old Turkic language, Taj ad-Din b. Yalchighul

Taj ad-Din b. Yalchighul's interpretation of the one seventh of the Quran, that was completed in 1829 and published in 1883, is one of the most voluminous (376 pages) and controversial monuments of the Quranic exegetics of the peoples of the Ural – Volga region. The interpretation covers the first, the initial *ayats* of the second, thirty-sixth, forty-eighth and all subsequent *suras* of the Quran. The interpreter relies on the data of classical Arabic philology, in particular, Fairuzabadi's dictionary, six Sunni collections of *hadiths*, the jurisprudence of the Hanafi *madhhab*, the *tafsirs* of Ibn Kathir, Ibn Abbas, as well as extensive hagiographic literature, which is often difficult to identify.

In the structure of the commentary to many *suras*, there are plot narratives of various sizes (from several lines of prose to two or three pages), introduced by the words *rivayat* (tradition), *hikayat* (story), *al-qissa* (narration, 'well'). The first opens the stories of the prophet Muhammad and other prophets, the second – any other stories, the third – delimits the episodes within the framework of one story. Narratives have a complete composition and line up around one event. The relations of the Quranic text and narration can be different: the narration comments on the whole *sura* (109–112), a group of *suras* (113–114), a group of *ayats* (36: 13–30), a single word (52: 1). Narratives commenting on the whole *sura* are usually located between the name and interpretation of the *ayats*, less often after it (111), the narratives associated with a group of *ayats* include them in their own structure, interpretations tied to individual words or terms are included in the commentary on verses.

The plot narratives not referring directly to their sources caused the greatest rejection among modernist theologians of the 19th – early 20th centuries, but they perfectly demonstrate the Taj ad-Din's desire to present the Qur'an as a holistic, all-encompassing knowledge related both to the history of mankind and to the relevant needs of believers.

Соколов О.А. (СПбГУ)

Арабиграфические рукописи из коллекции Библиотеки им. Горького СПбГУ как источники по изучению обрядов перехода у мусульман Волго-Уральского региона³

Коллекция Восточного отдела Библиотеки им. Горького СПбГУ содержит значительное количество рукописей, полученных в XIX в. из Поволжья и являющихся ценным источником по изучению важного аспекта ритуальных практик мусульман этого региона – обрядов перехода, оставаясь одними из немногих источников для исследования ритуальных практик мусульман XVIII–XIX вв.

Большинство относящихся к обрядовой тематике рукописей написаны на арабском языке с комментариями на тюрки. На полях ряда рукописей приве-

³ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-311-00303.

дены рисунки сакральных изображений — оберегов с пояснениями. Эти обереги представляют собой сочетания геометрических фигур, а также сочетания букв арабского алфавита, слов и цифр.

Среди основных типов молитв, предназначенных для чтения при проведении различных обрядов перехода, необходимо назвать молитвы для превращения вещества из обычного в наделенное особыми сакральными свойствами. Присутствуют молитвы об общем исцелении больного, т.е. о переходе от болезни к здоровому состоянию, а также молитвы об исцелении конкретных болезней. Широкий охват и соотнесенность молитв с повседневной жизнью свидетельствует о глубоком проникновении мусульманского ритуала в повседневный быт. Наличие молитв на каждый день недели, широко распространенных в различных частях мусульманского мира, показывает общность обрядов татар различных регионов, т.к. аналогичные молитвы зафиксированы в XIX в. у литовских татар.

Анализ текстов приведенных в рукописях молитв позволяет также проследить интеллектуальные связи между различными частями мусульманского мира и влияние традиций одного региона на традицию другого. Изучение арабо — мусульманского рукописного наследия имеет первостепенную важность для современного исследователя — исламоведа, исследующего различные аспекты жизни мусульманских обществ в исторической перспективе.

Ключевые слова: ислам, рукописи, молитвы, обряды перехода, Поволжье

Sokolov O.A (SPb State University)

**Arabographic manuscripts from the collection of the Gorky Library
of St. Petersburg State University as sources for studying the rites of passage
among Muslims of the Volga-Ural region**

Studying of the Arab-Islamic manuscript heritage is of paramount importance to the modern researcher in the field of Islamic studies, exploring different aspects of life in Muslim societies in historical perspective.

The collection of the Eastern Department of the Gorky Library of St. Petersburg State University contains a significant number of manuscripts received in the 19th century from the Volga region, which remain a valuable source for studying an important aspect of the ritual practices of Muslims in this region — the rites of passage, remaining one of the few sources for studying the ritual practices of Muslims of the 18th — 19th centuries.

Most ritual-related manuscripts are written in Arabic with commentary in the Turki language. On the margins of a number of manuscripts there are drawings of sacred images — amulets with explanations. These amulets are combinations of geometric shapes, as well as combinations of letters of the Arabic alphabet, words and numbers.

Among the main types of prayers intended for reading during various rites of passage, it is necessary to name prayers for the transformation of a substance from ordinary to endowed with special sacred properties. There are prayers for the general healing of the patient, which means the transition from illness to a healthy state, as well as prayers for the healing of specific diseases. The wide scope and correlation of prayers with everyday life testifies to the deep inclusion of the Muslim

ritual into everyday life. The presence of prayers for every day of the week, widely distributed in various parts of the Muslim world, shows convergence of the rites of Tatars in different regions, because similar prayers were recorded in the 19th century among Lithuanian Tatars.

An analysis of the texts of the prayer manuscripts also allows us to trace the intellectual connections between different parts of the Muslim world and the influence of the traditions of one region on the tradition of another.

Key words: Islam, manuscripts, prayers, rites of passage, Volga region

М.В.Торопыгина (ИВ РАН, ИКВиА ВШЭ)

**Сюжеты «Новых юэфу» Бо Цзюйи в японском памятнике XII в.
Кара моногатари («Рассказы о Китае»)**

«Кара моногатари» — памятник, датируемый XII в. (дата остается под вопросом), написан на литературном японском языке, состоит из 27 историй разного объема (общий объем памятника в русском переводе – около 2 а.л.), каждая история включает одно или несколько японских стихотворений вака. В основе всех историй лежат китайские исторические анекдоты. Текст памятника не является переводом какого-то одного или ряда китайских текстов, скорее можно говорить о том, на каких текстах основывается автор, откуда он берет сюжет для того или иного эпизода (часто это несколько источников). Шесть историй «Кара моногатари» имеют сюжетные соответствия с поэтическими произведениями китайского поэта Бо Цзюйи (772–846).

Имя Бо Цзюйи стало известно в Японии еще при его жизни. В эпоху Хэйан на китайском языке читали только мужчины, однако отсылки к сочинениям Бо Цзюйи есть даже в женских сочинениях («Записках у изголовья», «Гэндзи моногатари»). Среди тех сочинений Бо Цзюйи, которые были хорошо известны в Японии, был цикл из пятидесяти стихотворений — «Новые юэфу» (кит. синь юэфу, яп. сингафу). «Новые юэфу» были сочинены автором с целью «выявлять и исправлять пороки века». Несмотря на то, что темы бедности, угнетения, народных несчастий не входили в число тем, затрагиваемых японской литературой, «новые юэфу» вызывали в японском обществе большой интерес.

В «Кара моногатари» с сюжетами «новых юэфу» соотносятся три рассказа. Взятые сюжеты вписываются в общую тему произведения – чувств и отношений между мужчиной и женщиной (это основная, но не единственная тема «Кара моногатари»). Во всех трех сюжетах участвуют жены или наложницы императора. Это истории: «История о том, как ханьский У-ди, тоскуя по ушедшей Ли Фужэнь, воскурял благовония возвращения души»; «История о том, как красавица из женских покоев жила в отдаленном дворце при мавзолее, не встречаясь с императором» и «История о том, как наложница, ревнуемая Ян Гуйфэй, была заключена до конца жизни во дворце Шанъян».

Ключевые слова: японская литература, эпоха Хэйан, «Кара моногатари», китайская поэзия, Бо Цзюйи, исторический анекдот, «новые юэфу», сюжет, госпожа Ли, Ян Гуйфэй.

Maria V. Toropygina

**Bo Juyi's New Ballads poems plots in the 12th century Japanese monument
Kara Monogatari (Tales of China)**

Kara Monogatari is a Japanese monument dating from the 12th century (the date remains in doubt), written in literary Japanese. It consists of 27 stories of different volume (about 80,000 characters in Russian translation of the whole text), each story includes one or several Japanese waka poems. All stories are based on Chinese historical stories. This text is not a mere translation of one or a number of Chinese texts, it is rather possible to talk about the texts whose plot the author used for particular episode (often there are several sources). Six episodes of *Kara Monogatari* have a plot correspondence with the poetic works of the Chinese poet Bo Juyi (772–846).

Bo Juyi became known in Japan during his lifetime. In the Heian society only males could read Chinese, however, references to Bo Juyi's texts are found even in female writings (*Makura no soshi*, *Genji Monogatari*). Among the writings by Bo Juyi, which were well known in Japan, there was a cycle of fifty poems – New Ballads (Ch. *xinyuefu*, Jap. *shingafu*). New Ballads were composed by the author with the aim of "identifying and correcting the defects of the century." Despite the fact that the themes of poverty, oppression, and people's unhappiness were not among the topics covered by Japanese literature, the New Ballads aroused great interest in Japanese society.

In *Kara Monogatari*, three stories are related to the plots of the New Ballads. The general theme (but not the only one) of the *Kara Monogatari* is the feelings and relationships between man and woman, and all three stories are devoted to emperor's consorts or concubines. These are the stories (titles are taken from the English translation: *Kara monogatari. Tales of China / Tr.by Ward Geddes. Center for Asian Studies Arizona State University, 1984.*): "The Sorrowing Concubine Locked Away in Ling Garden", "The Early Death of the Han Emperor Wu's Consort, Lady Li", and "The Woman of Shangyang Grows Old in Vain".

Key words: Japanese literature, Heian, *Kara monogatari*, Chinese poetry, Bo Juyi, historical narration, New Ballads, plot, Lady Li, Yang Guifei.

Тюлина Е.В.(ИВ РАН)

**Классификации как принцип организации материала
в текстах по строительству (*вастувидье*) в пуранах**

В докладе исследуются самые важные схемы и матрицы, которые использовались в текстах *вастувидьи* для описаний и объяснений разных явлений (устройства участка для строительства; классификаций материалов, зданий, растений; описаний веществ для подношений; флагов и штандартов; водоемов; устройства города и т.д.). Несмотря на разнообразие классификаций, в их основе лежат несколько основных схем, с помощью которых строится описание и перечисление явлений: 1) согласно расположению по сторонам света; 2) согласно антропоморфному образу, когда объекты соотносятся с различными органами человека; 3) согласно схеме первичного творения, т.е. соединения трех гун (саттвы, раджаса и тамаса) и пяти элементов – таттв (пространства, ветра, огня, воды, земли); 4) согласно ценности с точки зрения религиозной заслуги

(пуньи); 5) согласно соответствию различным богам и их формам. Большинство этих схем связано с древними и средневековыми представлениями о мире и его устройстве. Упомянутые схемы могут использоваться в сильно редуцированном и в развернутом виде. Например, согласно антропоморфному образу, вертикальные объекты (храм, статуя, лингам, колонна, штандарт и т.д.) могут описываться кратко (что соответствует их «стопам», «пупку» и «голове»). Однако есть и очень подробные описания, например, описание статуи, где на нескольких страницах перечисляются измерения различных ее частей, вплоть до фаланг пальцев. Часто упомянутые схемы накладываются друг на друга и преобразуются, как, например, в «Агни-пуране» в описаниях антропоморфного образа храма (глава 61) и устройства города (глава 106). Использование сходных схем в описаниях самых разнообразных явлений играет важную роль в изложении материала вастувидьи — оно придает видимое единство тексту, представляющего собой компиляцию из произведений, отличающихся по происхождению, предназначению и времени создания.

Ключевые слова: древняя и средневековая Индия, пураны, перевод и интерпретация текстов, вастувидья.

E. V. Tyulina (Institute of Oriental Studies, RAS)

Classifications as a principle of organization of material in the construction texts (vastuvidya) in the Puranas

The paper explores the most important schemes and matrices used in the vastuvidya texts for descriptions and explanations of various phenomena (land for construction; classifications of materials, buildings, plants; descriptions of substances for offerings; flags and standards; water bodies; city design, etc.). Despite the variety of classifications, all of them are based on a few main schemes by means of which the description and enumeration of phenomena is constructed: 1) according to the location in the cardinal directions; 2) according to anthropomorphic image when the objects relate to the various organs; 3) according to the scheme of the primary creation, i.e., the connection of the three guṇas (sattva, rajas and tamas) and the five elements – tattvas (space, wind, fire, water, earth); 4) according to values from the point of view of religious merit (of punya); 5) according to the various gods and their forms. Most of these schemes are associated with ancient and medieval ideas about the world and its structure. These schemes can be used in a highly reduced and expanded form. For example, according to the anthropomorphic image, vertical objects (temple, statue, lingam, column, standard, etc.) can be described briefly (what corresponds to their «feet», «navel» and «head»). However, there are also very detailed descriptions, for example — a description of the statue, where several pages list the measurements of its various parts, up to the phalanges of the fingers. Often mentioned schemes are superimposed on each other and transformed, as, for example, in the "Agni Purana" in the descriptions of the anthropomorphic image of the temple (Chapter 61) and the structure of the city (Chapter 106). The use of similar schemes in the descriptions of a wide variety of phenomena plays an important role in the presentation of the material of vastuvidya — it creates a visible unity of the text, which is a compilation of works that differ in origin, purpose and time of creation.

Key words: ancient and medieval India, Puranas, translation and interpretation of texts, vastuvidya.

Федорова Ю.Е. (Институт философии РАН)

“Долина искания” Фарид ад-Дина ‘Аттара: опыт философской интерпретации

Рассказ Фарид ад-Дина ‘Аттара о семи долинах, наряду с эпизодом встречи тридцати птиц (си мург) и их Царя (Симург), является одним из самых известных разделов поэмы «Язык птиц» (Мантик ат-тайр). Отправной точкой странствия птиц к Симургу становится долина искания (вади талаб). Именно с нее начинается разворачиваться описание всех остальных долин, а также вводится ряд важнейших понятий суфийской теории, среди которых особо следует выделить два: макам (стоянка на пути) и хал (особое состояние души). Для описания долины искания ‘Аттар отводит довольно внушительный объем текста, активно привлекая традиционную суфийскую систему образов и подкрепляя свою мысль разнообразными притчами. В докладе будет представлена реконструкция ‘аттаровского понимания суфийского термина талаб, выстроенная на основе анализа конкретных фрагментов текста Мантик ат-тайр, посвященных описанию долины.

Ключевые слова: философия, персидская поэзия, суфизм, Аттар, «Язык птиц», душа, долина, искание, стоянка (макам), состояние души (хал).

Fedorova Yu.Ye. (Institute of Philosophy, RAS)

Farid al-Din ‘Attar’s “Vale of Seeking”: an experience of philosophical interpretation

Key words: philosophy, Persian poetry, sufism, ‘Attar, the language of the birds, soul, Vale, Seeking, maqam, hal.

Along with the episode describing the meeting of thirty birds (si murgh) and the King of the birds (Simurgh), the story about the seven vales may be considered as one of the most famous chapters of Farid al-Din ‘Attar’s poem “The Language of the Birds” (Mantiq al-Tayr). The poetic plot is that the Vale of Seeking (*Wadi Talab*) is the starting point for birds’s journey to Simurgh. Moreover, a description of all other vales begins with it, and a number of the most important concepts of Sufi theory are introduced, such as: maqam (a stage of the spiritual path to God) and hal (a spiritual state of mind). Describing the Vale of Seeking, ‘Attar involves a traditional system of Sufi poetry and reinforces his thought with various parables. The paper will present a reconstruction of ‘Attar’s interpretation of Sufi concept talab (seeking) and the philosophical analysis of several passages from *Mantiq al-tayr* in which the description of the Vale of Seeking is represented.

Key words: philosophy, Persian poetry, sufism, ‘Attar, the language of the birds, soul, vale, seeking, maqam, hal.

Фролова М В. (ИСАА МГУ)

Яблоко и нож: Йусуф и Зулейха по – индонезийски

Доклад посвящён рассказу «Яблоко и нож» (Apel dan Pisau, 2008) индонезийской писательницы Интан Парамадиты в историко-сравнительном контексте с библейско-коранической историей о Йусуфе и Зулейхе. Транспозиция сюжетных мотивов с Ближнего Востока к принявшим ислам народам Нусанта-

ры прошла через «Повесть о Юсупе» (XVII в.). К истории Иосифа Прекрасного обращается и современная писательница Интан Парамадита (род. 1979) – автор одного романа и более десяти рассказов в жанре horror story. Тематически её творчество посвящено вопросам религии, секса, гендера и феминизма в современной Индонезии. В интервью Интан говорит, что «в детстве я любила сказки Андерсена и братьев Гримм. Так как я росла в мусульманской семье, то мне были знакомы истории о пророках, и я с удовольствием их читала». Главная героиня рассказа носит имя Чик Джули (Cik – прономинатив), которое напоминает имя жены фараона (Джулека/Зулейха), её мужа зовут Азиз (как и «вазира» Египта). Замужняя красавица заводит роман со студентом Йусуфом, который снимает комнату в их доме. Фабула воспроизводит эпизод с «знатными египтянками» (а именно с приглашёнными сплетницами, родственницами и соседками), поранившими себе руки ножиками при виде красоты Йусуфа, сохраняя при этом фирменные хоррор-обертонны Интан Парамадиты. Акцент рассказа сделан на предметной образности, вынесенный в заглавие – яблоко и нож читаются как символы соблазнения и мести. Деконструкция отдельных элементов классического нарратива о Йусуфе реактуализирует его в современной индонезийской литературе. Помимо изучения творчества писательницы, её методов, построенных на внедрении феминистической критики в литературу хоррора, предложенный материал может быть любопытен всем изучающим архетипизированных «Йусуфа и Зулейху» на примере современного индонезийского рассказа, что доказывает неугасающий интерес к фундаментальному библейско-кораническому сюжету как источнику авторской интерпретации.

Ключевые слова: Интан Парамадита, современная индонезийская литература, хоррор, феминистская литературная критика, Йусуф и Зулейха.

Frolova M.V. (Institute of Afro-Asian Studies, Moscow State University)

Apple and Knife: Indonesian Yusuf and Zulaikha

The presentation deals with the short story called 'Apple and Knife' (2008) by Indonesian writer Intan Paramaditha in comparative-historical light of the Biblical and Quranic narrative about Yusuf and Zulaikha. Transposition of the literary motifs from the Middle East to the peoples of Nusantara converted to Islam went through Serat Yusup dated back to the 17th century. The story of Prophet Joseph appeals to Intan Paramaditha (born in 1979), author of one novel and over ten short stories (mainly in the genre of horror). Her favourite topics are religion, politics, sex, gender, and feminism in modern Indonesia. Intan mentions in an interview: "As a child, I loved reading fairy tales by H.C. Andersen and Grimm. Growing up in a Muslim family, I was also familiar with stories of the prophets and I enjoyed reading them".

The Apple and Knife's main character's name is Cik July (Juleka/Zulaikha), her husband's name is Aziz (like the ruler of Egypt, according to some sources). The married woman has a love affair with a young handsome student Yusuf, who happens to rent a room in their house. The plot replays the episode with the noble Egyptian women, who cut their hands with knives being in trance over the sight of his beauty. The significance of the main objects (apple and knife) points to the symbolic interpretations of lust, seduction, vengeance, and violence. Deconstruction of the elements from the traditional narrative about Yusuf makes the popular story meaningful to the modern Indonesian literature. Beside the analysis of Intan Para-

maditha's prose, based on the intersection between feminist critics and horror stories, the topic can be of interest for those who study the archetypal narrative about Yusuf and Zulaikha on the example of Indonesian short story, which marks the continuing interest in the Biblical/Quranic stories as a source of authorial interpretation.

Key words: Intan Paramaditha, modern Indonesian literature, horror, feminists, literary criticism, Yusuf and Zulaikha.

Хайрутдинов А.Г. (Институт истории АН Республики Татарстан)

Муса Бигиев о проблеме пьянства сквозь призму Торы, Илиады и Корана

В 1925 г. выдающийся татарский религиозный мыслитель Муса Бигиев отдыхал в Крыму. Пребывание ученого в Крымской АССР, в которой проживало много мусульман, было обречено стать событием в религиозной жизни края. Бигиев много времени провел в общении с единоверцами, организовывались религиозные вечера с его участием, с ним общались лидеры мусульманской общины Крыма. Бигиеву часто задавались вопросы об отношении шариата к опьяняющим напиткам, поскольку мусульмане Крыма занимались производством и реализацией виноградных и фруктовых вин. Испрашивалось однозначное решение о дозволенности или недозволенности употребления мусульманами опьяняющих напитков и их производства.

В результате, в 1927 г. Бигиев опубликовал книгу *Шәригәт исламийәдә мәскират мәсьәләләре* ("Проблема опьяняющих напитков в исламском законодательстве"). В ней даны ответы на два основных вопроса, по которым испрашивалась фетва: 1) является ли водка таким же недозволенным продуктом и нечистотой, каковым является вино, изготовленное из винограда? 2) дозволяется ли мусульманам России производство виноградного вина и его продажа? В книге автор разъяснил причины обращения к этой теме, ее злободневность, изложил свое видение причин возникновения традиции употребления алкоголя, и вынес фетвы с целью положить конец пьянству среди мусульман, разрешенному древними знатоками шариата.

В контексте конференции интерес представляет обращение Бигиева к предыстории проблемы, когда в поиске причин этого социального зла, поразившего человечество, ученый исследует Тору и Илиаду. Интересна трактовка аятов Корана, легших в основу его фетвы по опьяняющим напиткам. В выступлении рассматривается ряд моментов интерпретации Бигиевым упомянутых выше источников.

Ключевые слова: Бигиев, фетва, халяль, харам, хамр, мусульмане Крыма, Тора, Илиада, Коран

Khairutdinov A. (Institute of History, Academy of Sciences of Tatarstan)

Musa Bigiev on the problem of drinking through the prism of the Torah, the Iliad and the Koran

In 1925, the outstanding Tatar religious thinker Musa Bigiev went on holiday to Crimea. His stay in a place where many Muslims lived became an important event in the religious life of this region. Bigiev spent a lot of time contacting his co-religionists at religious meetings, communicating with the leaders of the Crimean Muslim com-

munity. Bigiev was often asked questions about the attitude of Sharia to intoxicating drinks (ID), as Muslims of Crimea were engaged in the production and sale of grape and fruit wines. An unambiguous decision was sought on the permissibility or impermissibility of the use and production of ID by Muslims.

As a result, in 1927 Bigiev published a work entitled "Shariat islamiyede muskirat meseleleri" (the Problem of ID in Islamic law). It answers two main questions on which the fatwa was requested: 1) Is vodka the same illicit product and impurity as wine made from grapes? 2) Are Russian Muslims allowed to produce and sell grape wine? In the book, the author also explained in detail the reasons for referring to this topic, outlined his vision of the causes of the tradition of drinking ID, and made fatwas aimed at putting an end to drunkenness among Muslims, among other things, allowed by ancient experts in Muslim law.

In the context of the present conference the most interesting point is Begiev's approach to the history of the problem, when, searching for the roots of this social evil afflicting mankind, the scientist explores the Torah and the Iliad. His interpretation of the verses of the Koran, which became the basis of his fatwa on ID is interesting too. The paper discusses some aspects of Bigiev's interpretation of the above-mentioned sources.

Key words: Bigiev, fatwa, Halal, Haram, Hamr, the Muslims of the Crimea, the Torah, the Iliad, the Koran.

Чалисова Н.Ю. (ИКВиА ВШЭ)

От Ибн Сины до «уликовой парадигмы»:

персидские истории о чтецах следов и их реинтерпретация на Западе

В богатой истории рецепции литературы Ирана на Западе есть и такой эпизод, когда перевод персидского сочинения на европейские языки повлиял в конечном итоге на осмысление новой эпистемологической парадигмы в гуманитарных науках. Речь идет о первой главе поэмы Амира Хусрава Дихлави «Восемь раев» (*Hašt bihišt*, 1299-1301), в которой индийская принцесса рассказывает сасанидскому царю Бахраму Гуру сказку о трех принцах из Сарандипа (совр. Шри Ланка, Цейлон). В ходе развития сюжета принцы действуют как следователи, представляющие улики венценосному судье. Они восстанавливают события прошлого по следам и приметам и многократно демонстрируют свою *фирāса* – способность к догадке, основанной на анализе улик. Этапы европейского освоения этой истории хорошо известны. Вслед за появлением итальянского (1557), а позднее французского, переводов, Вольтер использовал сюжет в философско-сатирической восточной повести «Задиг, или Судьба»; дарвинист Томас Генри Хаксли в эссе «О методе Задига» обосновал применение научного метода «ретроспективного пророчества» в истории, археологии и палеонтологии; вольтеровский Задиг оказал влияние и на Эдгара Аллана По, и затем – на Конан Дойла и «дедуктивный» (точнее, абдуктивный) метод его Шерлока Холмса. К названию родины трех принцев – Сарандип – восходит неологизм «серендипность» (*serendipity*), придуманный Горацием Уолполом в 1754 г. и получивший популярность уже в XX в. в значении неожиданного, непреднамеренного открытия. Весь этот материал обсуждается в методологически прославленной работе «Приметы. Уликовая парадигма и ее корни» (1979) Карло Гинзбурга, который в итоге связал сам термин «уликовая парадигма» с

арабским концептом *фираса*, «сложным понятием, в целом обозначающим способность мгновенно переходить от известного к неизвестному, основываясь на знаменательных признаках» и отметил, что принцы с Сарандипа прославились именно этой способностью.

В докладе обсуждаются персидские источники сюжета о трех принцах из Сарандипа. Книги жанра *адаб* включают немало историй о проницательности и умении установить истину по уликам или симптомам. Первоначально такие истории фольклорного происхождения группировались вокруг фигуры философа и врача Абу 'Али ибн Сины, автора фундаментального «Канона врачебной науки» и великого диагноста. В развлекательной литературе он предстает не только как врач, распознающий болезнь по симптомам, но и как прототипический детектив, восстанавливающий по уликам ход событий и опровергающий перед судьей несправедливые обвинения.

Ключевые слова: персидская поэзия, поэма, жанр *адаб*, Ибн Сина, Сарандип, Амир Хусрав Дихлави, литературная рецепция, Карло Гинзбург, «уликовая» парадигма, серендишность.

Chalisova N.Yu. (Institute for Oriental and Classical Studies, HSE University)

From Ibn Sina to “evidential paradigm”:

Persian stories on clue interpreters reinterpreted in the West

The rich history of Persian literature reception in the West includes an episode, when the translation of the Persian story into European languages has influenced the comprehension of a new epistemological paradigm in the humanities. The story under discussion is the first chapter of Amir Khusrav Dikhavi's poem “Eight Paradises” (*Hašt bihišt*, 1299–1301), in which the Indian princess tells the Sassanian king Bahram Gur a tale of three princes from Sarandip (Sri Lanka, Ceylon). As the plot progresses, the princes act as investigators presenting evidence to the crowned judge. They restore the events of the past according to clues and signs and repeatedly demonstrate their *firāsa* or ability to guess based on the analysis of evidence.

The stages of European reception of this story are well known. Following the advent of Italian (1557), and later French translations, Voltaire used the plot in the philosophical and satirical oriental story “Zadig, or The Book of Fate”; Darwinist Thomas Henry Huxley in his essay “On the method of Zadig” substantiated the application of the scientific method of “retrospective prophecy” in history, archeology and paleontology; Voltaire's Zadig influenced both Edgar Allan Poe and then Conan Doyle and the “deductive” (more precisely, abductive) method of his Sherlock Holmes. Neologism “serendipity”, invented by Horace Walpole in 1754 and gaining popularity in the 20th century in the meaning of an unexpected, unintentional discovery, goes back to Sarandip, the name of the three princes' homeland. All this material is discussed in the methodologically famous work “Clues: Roots of an Evidential Paradigm” (1979) by Carlo Ginzburg, who connected the “evidential Paradigm” with the Arabic *firāsa*, a “complex notion which, in general, designated the ability to pass, on the basis of clues, directly from the known to the unknown”; Ginzburg noted that the Sarandip princes were famous exactly for that ability.

In my presentation the Persian sources of the “Three princes from Sarandip” story are under discussion. The books of the *adab* genre include many stories of

discernment and the ability to establish truth from evidence or symptoms. Initially, such stories of folklore origin were related to the figure of the philosopher and physician Abu 'Ali ibn Sina, the author of the fundamental "Canon of Medical Science" and the great diagnostician. In entertaining literature, he appears not only as a doctor who recognizes the disease by symptoms, but also as a prototypical detective who restores the course of events and refutes unfair accusations before a judge.

Key words: Persian poetry, poem, adab genre, Ibn Sina, Sarandip, Amir Khusraw Dikhlavi, literary reception, Carlo Ginzburg, evidential paradigm, serendipity.

Юдицкая Е.А. (ИВ РАН)

О двух примерах речевого сбоя в прологе и основном тексте санскритской драмы

Санскритская драма имеет четкую структуру, которая неизменно воспроизводилась на протяжении всей истории ее существования. В самом общем плане в ней можно выделить две стадии: пролог, представляющий собой сложную самостоятельную конструкцию, и основную часть. Пролог открывается благословением (нанди), искусной стилизацией под традиционный гимн. Сложилось разные виды нанди, в более поздние из них вплетены элементы, имплицитно указывающие на тематику пьесы, ее сюжет или основных персонажей. Затем следует интермедия, которую разыгрывают сутрадхара («директор театра») и его супруга, актриса. В прологе некоторых пьес вместо актрисы появляется помощник сутрадхары (актер, впоследствии исполняющий одну из ролей). В диалоге, который разворачивается между ними, можно выявить определенного типа семантические уровни. Намеки, которые прозвучали во вступительной молитве, обретают здесь более ярко выраженную форму. Могут фигурировать ссылки на реальную ситуацию. При этом возникает игра с театральной условностью: сутрадхара обращается к зрителям и представляет пьесу, параллельно разыгрывается сценка из жизни «директора театра», кроме того, происходит перевоплощение актеров в героев пьесы. Одна из основных задач пролога – обеспечить переход от мира повседневности к воображаемому миру. В заключительной части пролога на сцену буквально врываются персонажи пьесы, часто за сценой звучит их речь.

Индийскую драму отличает наличие строгого канона. Нарочитая узорность сюжетных схем, системы персонажей, композиционных приемов поражает. При этом элемент новаторства также неизменно присутствует, обычно в качестве абберации или усложнения устоявшегося элемента. Наш доклад посвящен такого рода процессам в заключительной части пролога. Мы сравним, как происходит ввод героев пьесы в прологи к драмам «Перстень Ракшасы» Вишакхадатты и «Прибранные волосы» Бхатты Нараяны. В обоих случаях в речи героев фигурирует речевая ошибка (ослышка). Речевые ошибки в изобилии представлены в тексте любой драмы. Они играют ключевую роль в композиции драмы. В прологе разные их типы также представлены. Мы рассмотрим один из них, который выстраивается с помощью приема *шлеша*.

Ключевые слова: классическая индийская драма, театральная условность, структура пьесы, композиционный прием, речевой сбой, *шлеша*.

Yuditskaya Ye.A. (Institute of Oriental studies, Russian Academy of Sciences)

**On two instances of the speech fault in the prologue and principal text
of Sanskrit drama.**

The Sanskrit drama possesses a strict structure that was invariably reproduced throughout its existence. In the most general sense, two stages can be singled out: the prologue, which is a complex self-contained unit, and the principal part. The prologue opens with a blessing (nāndī), an elaborate pastiche of the traditional hymn. There different types of the nāndī had developed; in its later forms one can find elements implicitly pointing to the theme of the play, its plot or the main characters. An interlude follows, performed by the sūtradhāra (the “theatrical director”) and his wife, the main actress. The sūtradhāra’s assistant (an actor who subsequently performs one of the parts) replaces the actress in the prologues of some plays. A certain type of semantic levels is visible in the dialogue that unfolds between them. The hints thrown out in the blessing are now articulated more explicitly. References to the actual situation may be found. At the same time, play is made with theatrical conventions: the sūtradhāra addresses the audience and presents the drama; simultaneously, a scene from the “theatrical director’s” life is acted out; additionally, the metamorphosis of the actors into the characters of the play takes place. One of the principal functions of the prologue is to effect the transition from the world of everyday reality to the imaginary world. In the final part of the prologue, the characters literally burst onto the stage, their speech being often heard from behind the scene.

The Indian drama is characterized by a strict canon. One is astounded by the deliberate narrowness of the plot schemes, the character system and the inventory of compositional techniques. Yet, innovative traits are consistently present as well, usually in the form of an aberration or the complication of an established feature. The paper looks at such processes in the concluding part of the prologue. I will compare how the characters of the play are introduced in the prologues of the Mudrārākṣasa of Viśākhadatta and the Veṅīsaṃhāra of Bhaṭṭa Nārāyaṇa. In both cases, the speech of the characters features a speech fault (a mishearing). Such faults are abundant in the text of any Sanskrit drama, playing a key role in its structure. Their various types are to be found even in the prologue. I will address one specific type of such mistakes, which is constructed using the device of śleṣa (double meaning).

Key words: Indian classical drama, theatrical conventions, dramatic structure, compositional techniques, speech faults, śleṣa.